

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
Зверев

компромат
на президента

Разведчик-нелегал

Сергей Зверев

Компромат на президента

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Компромат на президента / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2008 — (Разведчик-нелегал)

Опальный олигарх Хайновский раздобыл компромат на Президента России и хочет им воспользоваться, чтобы свалить самого. Этого допустить никак нельзя, и президент обращается к своему другу детства Климу Бондареву. Клим – лучший агент самой засекреченной российской спецслужбы, он способен на многое. Одна хитроумная подстава, и компромат в руках Бондарева. Но, похоже, Хайновский и на этот раз переиграл Клим. Так что пока счет один – один...

© Зверев С. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Уже смеркалось, когда угловатый мерседесовский джип, сверкая черным лаком, съехал с асфальта в молоденький лесок. Машина, покачиваясь на неровностях, раздвигая бампером низкие кусты, выбралась на полянку и лихо развернулась. В плоских лобовых стеклах отразился летний закат – темно-оранжевый диск солнца уходил за низкие, распростершиеся над далеким лесом облака. Сидевший за рулем мужчина с глубоким шрамом, пролежавшим через весь лоб, с блаженством потянулся и заглушил двигатель.

– Паша, сходи, глянь, как мы смотримся с дороги, – проговорил он, щелчком выбивая сигарету из пачки.

Паша, серьезный сорокалетний мужик с глубоко посаженными глазами, криво усмехнулся:

– Темно будет. Ночь сегодня безлунная. Нас хрен кто заметит, – но тем не менее он выбрался из «Мерседеса» и двинулся к шоссе. По дороге он неодобрительно посматривал на примятую колесами траву.

Оказавшись на асфальте, он присел и, подняв руку, помахал ладонью.

– Все в порядке, Леонид! – крикнул он, вглядываясь в лес.

Налетевший ветер подхватил пыль с обочины и заставил мужчину втянуть голову в плечи. Он сидел на корточках, подставив спину ветру, и смотрел на видневшийся на пригорке над небольшим озерцом дом с красной металлочерепичной крышей. В его взгляде не было зависти к богатым, только немного усталости, немного безразличия ко всему остальному миру. Тот, кого звали Пашей, вернулся к машине. Леонид уже обламывал ветки на орешнике.

– Теперь мы хоть дом сможем контролировать, – пробурчал он, прикладывая к глазам бинокль, – лимузин и джип охраны все еще там. Если ему вздумается остаться на ночь... – Леонид вздохнул и потер глубокий шрам над бровью.

– Уедет. Ребята сказали, что в девять утра у него важная встреча, – отозвался Паша. – Не нравится мне след от колес на траве, – он запрокинул голову, вглядываясь в верхушки деревьев.

Тонкие сосенки шумели, раскачиваясь.

– Траву ветром пригладит, – уверенно произнес Леонид, – четверти часа не пройдет, как следа от нашей машины не останется. – Он присел перед бампером и принялся сворачивать номер, тот крепился не обычными винтами, а «барашками». Неторопливо, с номером под мышкой Леонид забрался в «Мерседес», приопустил спинку сиденья. – Полчаса я дремлю, полчаса ты.

Паша сидел у распахнутой дверцы, жевал травинку, на приборной панели перед ним лежали мобильник и наручные часы. Солнце уже скрылось за горизонтом, темнота сгустилась под деревьями, и только их верхушки еще рисовались на фоне неба. В доме над озером зажглись окна, загорелись и фонари вдоль короткого причала для лодки.

Когда минутная стрелка уперлась в цифру двенадцать, а часовая оказалась напротив десяти, экранчик мобильного вспыхнул потусторонним синим цветом, трубка завибрировала и закрутилась на месте. Паша поймал ее и приложил к уху.

– Да, мы на месте, – негромко произнес он безразличным тоном, – объект все еще в доме. Продолжаем наблюдение.

Леонид вновь прикрыл веки и поудобнее устроился в водительском кресле.

– Паша, звонок отключи, – посоветовал он.

– Уже давно отключен. Спи, через десять минут моя очередь подойдет.

Паша приложил к глазам бинокль. Мощная оптика приблизила дом. В окне первого этажа на желтых занавесках читался женский силуэт. Женщина стояла боком к окну и курила длинную сигарету в мундштуке, покачивала головой, соглашаясь с невидимым собеседником.

– Разговоры, разговоры... – недовольно проговорил Паша, – с бабами не говорить надо... Ему самому хотелось закурить, но с наступлением темноты пользоваться огнем он не рисковал, боясь себя выдать.

Леониду не пришлось напоминать, что время его отдыха миновало, он потер лицо ладонями, потряс головой и придвинул к себе мобильник.

– Чем занимаются? – спросил он.

– Хрен их поймет. Болтают. – Паша откинулся на спинку, понюхал незажженную сигарету: – Табак хорошо пахнет.

– Не захрапи! – беззлобно ухмыльнулся Леонид, вглядываясь в черное, словно на него плеснули расплавленный битум, лобовое стекло машины.

Он просидел четверть часа, глядя неподвижным взглядом на залитый светом дом. Так терпеливо может вести себя только хищник, поджидающий жертву. Наконец в доме почувствовалось движение. Качнулась занавеска в холле. На крыльцо вышел охранник, неторопливо спустился к машине. Двое других уже отворили ворота.

– Паша, – позвал Леонид, – кажется, он сваливает – дождались.

– Наконец-то. Может, еще и дома ночевать будем, – Паша сел и поежился – из открытой дверцы тянуло ночной прохладой и сыростью.

На крыльце дома появились мужчина в черном костюме, при галстуке, и женщина в светлом платье.

– Бабенка ничего, – произнес Паша, глядя в бинокль, – не каждому по карману.

– С его бабками можно себе любую позволить. – Леонид сплюнул в открытое окно машины, когда мужчина на крыльце приобнял на прощание женщину.

Джип с охраной первым выехал за ворота, следом за ним выкатил и лимузин. Женщина постояла на крыльце, кутаясь в длинную шаль, дожидаясь, пока двое охранников закроют ворота.

– Все в ажуре, лишних людей в доме он не оставил. Сколько приехало, столько и сваливает. – Леонид смотрел на мелькавшие за стволами фары машин. – Сейчас проедет, и можно выбирать.

Паша сунул в рот незажженную сигарету и рассеянно улыбнулся, но постепенно его улыбка гасла. Джип с охраной сбавлял скорость, затем вильнул влево и остановился как раз напротив того места, где свернул в лес и «Мерседес». Лимузин замер за джипом охраны, чуть не коснувшись бампера бампером. Двигатели продолжали работать, мошара вилась в ярком свете фар.

– Какого хрена, – пробормотал Паша, – неужели мы засветились? – Рука его потянулась к кобуре под мышкой.

– Спокойно, – остановил его Леонид, – даже если и засветились, то ничего страшного не произошло. Мы еще ничего не сделали.

– Я же говорил – след на траве остался... – Паша осекся.

Из джипа выбрались два рослых охранника и, напряженно вглядываясь в темноту перед собой, двинулись к лесу, остановились у первых деревьев.

– Михаил Изидорович, – крикнул охранник так громко, что Леонид от неожиданности даже вздрогнул, – чисто, можно выходить!

Дверца лимузина – белого «Линкольна» – распахнулась, и на обочину вышел приземистый мужчина в темном костюме, в свете фар поблескивали металлом пуговицы на пиджаке и закладка на галстуке.

– Иллюминация как в парке культуры и отдыха, – недовольно проворчал он.

Свет фар в «Линкольне» тут же сменился на ближний. Михаил Изидорович спустился с пологого откоса и потянул «молнию» на брюках. Пока босс «отливал», охранники напряженно всматривались в лес. Вновь скрипнула «молния», и олигарх запахнул пиджак.

– Едем, – он забрался на заднее сиденье.

Паша ухмылялся, провожая охрану олигарха взглядом.

– Он что, в доме «отлить» не мог?

– Забыл. Или бабы постеснялся.

И тут мобильник на приборной панели засветился, заелозил. Леонид тут же прихлопнул его ладонью, сгреб в карман. Он буквально сполз под руль и только тогда прижал трубку к уху.

Паша нервно теревил в руке сигаретную пачку.

– ...ну... да... – шептал в микрофон Леонид, – сами с глазами, видели, что они уехали из дома. Скоро будем на месте.

Камешки полетели из-под колес джипа. Рубиновые габариты «Линкольна» мигнули. Машины понеслись к Москве.

– Вот так всегда, – Паша наконец-то позволил себе прикурить, – чуть на фигне не прокололись, – кто ж знал, что ему именно здесь приспичит остановиться?

– Мелочей в нашей профессии не бывает, – Леонид перевел дыхание, – ждем десять минут, – он засек время.

«Мерседес», проломив кусты, выехал на дорогу и покатил с погашенными фарами. До дома оставалось сто метров, когда машина резко съехала в неглубокий кювет.

– Дальше пешком, – Леонид открыл перчаточный ящик и подал Паше черную вязаную шапку с отверстиями для глаз и рта, вторую натянул себе.

Мужчины посмотрели друг на друга. В прорезях, сделанных в черном трикотаже шапок, белели только глазницы и рты.

– Мы с тобой как чеченские террористы, – хохотнул Леонид, вытаскивая из-под сиденья пластиковый чемоданчик.

– В доме повешенного не принято говорить о веревке.

Мужчины торопливо шагали к дому, перед воротами остановились. Паша толкнул калитку, та оказалась не заперта, и боком просочился в нее. Леонид шагнул следом. Охранник стоял на дорожке и, не мигая, смотрел на пришельцев, хотя вроде бы должен был выхватить оружие при виде «террористов».

– Вас двое? – почти беззвучно поинтересовался у него Леонид.

– Двое и еще баба, – ответил охранник.

– Понятно.

– Не перестарайся, – произнес охранник, поворачиваясь к Леониду спиной.

– Не напрягайся, расслабься. – Леонид вытащил из кобуры пистолет, перехватил его за ствол и нанес короткий удар рукояткой по затылку охранника, тот чуть слышно ойкнул и рухнул сперва на колени, а потом упал лицом в траву.

Паша перевернул его на спину, приоткрыл веко и заглянул в закатившийся глаз.

– Все в норме. Жить еще долго будет.

– Я и не сомневался. – Леонид ловко заклеил бесчувственному охраннику рот клейкой лентой и стянул ему руки за спиной черной тесьмой.

Паша тем временем связал охраннику ноги веревкой от самых щиколоток до середины бедра. Затем мужчины, пригибаясь, побежали к крыльцу. Леонид указал рукой на телекамеру, укрепленную под жестяным козырьком:

– Она только на внутренний монитор работает.

– Еще неизвестно, чем парни Хайновского в доме занимались.

Мужчины разговаривали тихо, почти беззвучно, догадываясь о значении слов по движениям губ. Павел обошел освещенное крыльцо, взобрался на него со стороны перил и, став точно под камерой, залепил бумагой объектив, показав наручные часы, постучал пальцем по циферблату. Леонид вытащил из-за пояса пистолет с тонким длинным стволом.

Не прошло и двадцати секунд, как входная дверь открылась и на крыльцо вышел второй охранник. Он напряженно всматривался в темноту. Леонид шагнул на свет и негромко кашлянул, охранник смерил его взглядом и, коротко кивнув, прикрыл за собой дверь. Он даже не дернулся, когда длинный ствол пистолета нацелился прямо на него. Раздался щелчок, и трубчатый дротик с красной шерстяной ниткой воткнулся в плечо охраннику. Секунду крепкий парень еще продержался на ногах, а затем осел на каменные плиты. Паша с Леонидом даже не стали его связывать, лишь оттащили в темноту.

– Теперь осторожней с бабой, – прошептал Леонид, – в доме есть оружие.

– Самое страшное – баба с пистолетом.

Крадучись, мужчины проникли в залитый ярким светом галогенных ламп холл. На вешалке у самого входа висело несколько плащей, на подставке примостились два пестрых зонтика. За матовым стеклом двери, ведущей в гостиную, вспыхивал, мигал экран телевизора. Негромкая музыка наполняла дом. Паша присел у двери и заглянул в щель между створками. Он вскинул руку, призывая Леонида замереть.

– Видишь ее? – прошептал тот.

– Не пойму...

Паша видел только часть гостиной: полыхающий камин, диван, журнальный столик с огромным букетом цветов и зеркало в простенке между окон. Он отмечал взглядом любую мелочь и наконец увидел то, что заставило насторожиться: у дивана на полу стояла стеклянная чашечка с недопитым кофе, рядом поперек пепельницы лежал длинный мундштук. И тут послышалось еле различимое на фоне музыки электронное попискивание. Паша ворвался в комнату, на ходу передергивая затвор пистолета, на мгновение замер, прислушиваясь, рванулся в сторону, прижался спиной к стене. Леонид спокойно зашел, осмотрелся, заглянул на лестницу, ведущую на второй этаж, после чего неторопливо приблизился к огромному зеркальному шкафу и отодвинул дверцу. Среди висевших на плечиках платьев затаилась женщина, она затравленно смотрела на мужчину в черной маске, в левой руке сжимала серебристый миниатюрный мобильник.

– Дай сюда, – властно произнес Леонид и протянул руку.

Женщина вжалась в стенку.

– Никто не хочет тебе зла, – произнес Леонид, забирая мобильник, и бросил его в пылающий камин.

Паша подал руку, помогая женщине выбраться из шкафа.

– Как тебя зовут?

– Лада, – неуверенно произнесла женщина.

Паша присел возле нее, наскоро обыскал.

– Чисто. И не вздумай кричать, – он ткнул ей в шею ствол пистолета. – Изидорович тебе не поможет, он теперь далеко.

– Что вам надо? – Лада нервно теребила в руке платье, стягивая глубокий вырез декольте.

– Где сейф? – почти дружелюбно поинтересовался Леонид.

– Какой... – женщина не успела закончить фразу.

– Не ври, – схватил ее за руку Леонид, – сейф показывай! Все равно придется показать.

В глазах тридцатилетней красавицы отражались пляшущие в камине языки пламени. Она скрестила на груди руки.

– Кто вы?

– Рано или поздно, но сейф мы найдем и без тебя. – Леонид поставил чемоданчик на журнальный столик. – И то, что в нем, тебе не принадлежит, так что не упирайся.

– Могу я закурить? – Лада отбросила волосы за спину.

– Нет, – Леонид перехватил ее запястье и сильно сжал, – показывай сейф!

Паша злорадно ухмыльнулся:

– Ты только что посмотрела на него, – он отодвинул от стены невысокую деревянную полку, заставленную скульптурками и сувенирами.

За ней поблескивала стальная полированная дверца небольшого, вмурованного в стену сейфа. Посередине дверцы торчала черная ручка с делениями. Лада зло прищурилась.

– Видишь, как все просто, – Паша зашел женщине за спину и, нагнувшись к уху, проговорил: – Вспоминай код.

– Я не знаю.

Паша и Леонид обменялись взглядами.

– Кажется, я ей верю. Изидорович такая скотина, что даже умирающей родной матери не доверил бы код. А ты ему даже не жена, так, дорогая подстилка...

– Урод! – выкрикнула Лада.

Она обернулась так неожиданно, что Паша даже не успел отпрянуть. Еще мгновение, и ей удалось бы сорвать с головы грабителя маску, но Леонид пришел напарнику на помощь, схватил Ладу сзади за локти и поволок к дивану. Лада брыкалась, изворачивалась, пытаясь укусить нападавшего, когда же поняла, что ей не вырваться, отчаянно закричала.

– Помогите!!!

Паша тут же зажал ее рот ладонью.

– Заткнись. Потасили ее наверх, привяжем в спальне, чтобы не мешала. Толку от нее все равно нет.

– Не люблю сюрпризов, – Леонид толкнул Ладу в плетеное кресло, Паша обхватил ее сзади, – пусть лучше побудет здесь. Так надежнее.

Клейкая лента залепила женщине рот. Лентой Паша примотал к подлокотникам кресла и ее руки, притянул к ножкам лодыжки. Лада мотала головой, раскачивала кресло.

– Никак не успокоится, еще перевернется. – Леонид почувствовал, как вспотело лицо под шерстяной маской, вытер платком капли пота, скатившиеся на веки. – Придержи-ка ее, – попросил он.

Паша взялся за спинку ходившего ходуном кресла, а Леонид выкатил из ниши огромный телевизор на подставке, шнур натянулся, разъем вылетел из розетки.

– Заталкивай ее в нишу, оттуда она нас не увидит.

Вдвоем грабители занесли привязанную к креслу Ладу в нишу. Леонид и Паша присели возле сейфа, наконец-то стянули надоевшие маски.

– Сейф надежный, но и мы не лыком шиты. Ты бы за какое время справился? – Леонид щелкал ручкой установки кода.

– Я бы его из стены выковырял и с собой забрал. Не люблю спешить в тонкой работе. В мастерской ни один металл перед автогеном не устоит.

– Дилетант. Тебя к сейфам и близко подпускать нельзя. Принеси чемоданчик.

Леонид попал в свою стихию, Паша ему не возражал. Если кто-то делает что-то заведомо лучше тебя, противиться не надо. Прокрутились кодовые колесики на чемоданчике, и крышка легко поднялась на пружинной петле. Внутри чемоданчика имелись специальные углубления, обклеенные изрядно потертым черным бархатом. В них лежали инструменты. Прежде всего Леонид провел по периметру сейфа магнитным сканером, способным уловить даже чрезвычайно слабый электромагнитный импульс.

– Чисто. Сигнализации на нем нет.

Леонид бережно вынул портативную скоростную дрель с аккумуляторами, проверил, надежно ли закреплено сверло. Кончик уперся в стальную дверцу, обороты были такими огромными, что звук почти пропадал. Металл поддавался неохотно, осыпаясь из-под бешено вращавшегося сверла серой пылью. Наконец сверло провалилось в дверку.

– Ювелирная точность, – ухмыльнулся Леонид, откладывая дрель, – как там наша дама?

Из ниши не доносилось ни звука.

– Посмотри. Бывает, у человека насморк, а ему рот заклеят. Трупы нам не нужны.

Паша старательно натянул маску и только после этого заглянул в нишу. Лада умудрилась прогрызть в клейкой ленте дырку и теперь зло смотрела на грабителя.

– Непорядок, – назидательно сказал Паша, – чем больше ты стараешься, тем дольше мы будем в доме, – новый кусок ленты лег поверх прогрызенного.

Леонид уже нацепил на голову обруч с окуляром, от которого отходила гибкая трубка – световод, конец которого, оснащенный линзой, уже исчез в просверленном отверстии. Теперь Леонид уже видел механизм кодового замка, состоящий из двенадцати дисков с прорезями. Оставалась совсем несложная работа, повернуть все диски так, чтобы прорези сошлись вместе. Щелкала ручка, вращаемая то в одну, то в другую сторону, наконец на губах у Леонида появилась улыбка победителя, он вдавил ручку до конца и плавно повернул ее. Массивная дверца сейфа открылась. Паша нетерпеливо попытался заглянуть в сейф через плечо напарника.

– Есть, – Леонид как замороженный смотрел на покоившийся в глубине сейфа небольшой металлический ящик, посередине которого виднелась узкая щель замка. Справиться с подобным замком для человека, только что сумевшего вскрыть сейф, явно было пустяком, но Леонид не спешил. Он вытащил сотовый телефон и набрал номер.

– Все в порядке, мы в доме и, кажется, нашли то, что искали. Это металлический ящик, в котором может уместиться папка для бумаг... Понял. Забираем его и уходим. В доме остается женщина, – Леонид прижал трубку плечом к уху, – сейчас посмотрю, насколько ящик тяжелый.

Взломщик взял ящик в руки, вытащил из сейфа, наклонил его.

– Килограмма два с небольшим, – произнес он, – и, когда его наклоняешь, такое чувство, будто что-то перекачивается внутри. Через...

Он не успел договорить. Взрыв был таким мощным, что ближайшее окно вынесло вместе с рамой, журнальный столик, отброшенный взрывной волной, ударился в стену и разлетелся на мелкие части. От самого Леонида не осталось ничего, напоминавшего человеческое тело. Паша лежал, уткнувшись окровавленной головой в каминную решетку. Взрывом снесло даже входную дверь, и только сейф остался неповрежденным. Пол усыпала обвалившаяся штукатурка.

Женщина, привязанная к креслу, в ужасе замерла, она не могла понять, что произошло. Из ниши она ничего не видела, когда же рассеялись дым и пыль, Лада увидела кровавые брызги на уцелевшем островке потолка и полыхающее полено посреди ковра. Ужас придал ей силы, она рванулась, хрустнуло плетеное кресло, затрещала лента. Еще один рывок, и левая рука уже освободилась. Лада сорвала со рта обрывок ленты, ломая ухоженные ногти, принялась освобождать ноги, ковыляя, вместе с креслом, она добралась до осколка зеркала и уже им срезала остатки своих пут.

Первым желанием было опрометью броситься прочь из дома, мчаться к ближайшему поселку, чтобы оказаться среди людей. Но женщина пересилила себя, она принесла из ванной комнаты в полиэтиленовом пакете воду, залила тлевшие на ковре уголья, зажмурившись, переступила через мертвого грабителя и, мигом взбежав на второй этаж, схватила телефонную трубку. Ее пальцы замерли над клавишами. Короткий номер «02» Лада так и не набрала. Вместо него – длинный номер мобильного телефона.

– Мы же договорились, что встретимся завтра. Что-то случилось? – раздался в трубке мягкий и немного встревоженный голос Михаила Изидоровича.

– Михаил. Я не знаю, что произошло, но для тебя это, по-моему, очень важно. Твой сейф вскрыли.

Изидорович помолчал, а потом осторожно поинтересовался:

– Украли ящик?

– Что-то взорвалось! – выкрикнула в трубку женщина. – Они оба погибли.

– Я сейчас приеду, но только сразу же после разговора со мной вызови милицию. И больше не делай ни одного звонка!

Не успела она дозвониться по «02», как сине-красные сполохи уже озарили двор. Пошатываясь, она спустилась вниз. В дверном проеме стояли милицкий капитан и какой-то мужчина в штатском.

– Вы хозяйка дома? – спросил капитан.

Лада успела подумать, что у него слишком холерный вид для простого милицкого капитана.

– Нет. Дом принадлежит не мне. Хозяину я позвонила, он будет с минуты на минуту. Грабители...

– Что произошло?

– Я ничего не видела. Ворвались, потом взрыв...

– Ясно, – не стал уточнять блюститель закона и глянул на штатского.

– Вам необходимо прийти в себя, – посоветовал штатский, – я выведу вас на воздух.

Абсолютно не заботясь о сохранности улики, следов, он почти силой вытащил Ладу на крыльцо, усадил на скамейку.

– Сигарету, – попросила женщина.

– А как же, – штатский предложил пачку, а когда подносил зажигалку, Лада заметила, что его руки слегка дрожат, – я скоро вернусь, – штатский воровато огляделся и нырнул в дом.

Из глубины дома до ее слуха долетел шепот штатского:

– Картина ясная. Двое грабителей попытались открыть сейф при помощи взрывчатки, но заряд сработал раньше времени.

Женщина хотела тут же подняться, войти в гостиную и сказать, что все произошло совсем иначе. Лада даже привстала, но тут услышала тихий голос штатского:

– Вот и все, что от тебя требуется. Больше никаких версий. И еще, личности убитых установить не сможешь. Исполняй, капитан.

Во двор въехал угловатый мерседесовский джип. Штатский с чемоданчиком грабителей сбежал к нему и тут же исчез в салоне.

«Линкольн» Михаила Изидоровича Хайновского остановился, перегородив выезд. Олигарх не стал дожидаться, пока охрана проверит подходы и ему распахнут дверцу.

– Кто тут главный?! – крикнул он, даже не успев взойти на крыльцо.

Штатский, как чертик из табакерки, возник рядом.

– Расследование ведет милиция, – проворковал он, – но думаю, нам есть о чем побеседовать, прежде чем вы поговорите с капитаном.

Михаил Изидорович вежливо улыбнулся.

– Разумеется.

Увидев Ладу, подошел к ней.

– Ты в порядке? С тобой ничего не случилось?

– Как видишь.

– Мне очень жаль, – произнес олигарх, – что так произошло. Тебя уже допросили?

– Нет.

– Будет лучше, если ты скажешь, что ничего не видела. Я сам разберусь.

Михаил Изидорович не стал задерживаться возле любовницы, жестом показал штатскому, что готов к разговору.

– Наверху будет удобнее, я покажу черную лестницу. Не стоит мешать милиции в гостинной.

Штатский и олигарх поднялись узкой черной лестницей на второй этаж, зашли в кабинет. Михаил Изидорович устроился в кресле, закинул ногу за ногу и вопросительно посмотрел на гостя.

– У вас есть что нам сказать?

– Ума не приложу, что им понадобилось в моем доме.

– Давно вы его приобрели?

– И вы это у меня спрашиваете? – брови Михаила Изидоровича взметнулись. – Ладно, если так, могу сообщить то, что вы давно знаете. Дом я приобрел в собственность месяц тому назад, но не для себя, а для женщины. Сходится?

– Зачем вы убили их?

– Я? – развел короткими руками олигарх. – Помилуйте. Они влезли в мой дом, хотели меня ограбить. Напугали безвинную женщину. Дилетанты, даже не сумели подобрать нужный заряд.

– Я вам ничего не говорил про взрыв.

– Мне позвонила Лада, прежде чем вызвать милицию. Делайте что хотите, никаких претензий у меня ни к кому нет. Были бы грабители живы, другое дело, – олигарх хитро улыбнулся.

– Вы опасный человек.

– Не опаснее вас, – Михаил Изидорович сцепил руки замком на колене, покачал ногой, – ничего у вас не получится, простите за откровенность, зря время тратите и людей губите. Хотя советы вам давать бесполезно, вы выполняете приказы. В следующий раз постарайтесь быть осторожней. Если вы не против, я хотел бы осмотреть место преступления.

– Хотите посмотреть, что пропало? – штатский уже плохо скрывал злость.

– Пропадать было нечему, – весело произнес Хайновский.

Хозяина дома не пустили в гостиную, позволили только осмотреть ее с лестницы, Хайновский только головой качал да охал. Допрос много времени не отнял. Отвечая на вопросы капитана, Михаил Изидорович загадочно улыбался.

– Вы можете ехать, – наконец произнес следователь, – у нас работы здесь до самого утра.

– Моя охрана присмотрит за домом. Я распоряжусь оказывать вам всяческое содействие. Не стесняйтесь, если понадобится машина, пользуйтесь, – и Хайновский вышел на крыльцо.

Лада куталась в шаль, в пепельнице на широких перилах крыльца уже лежали два окурка.

– Поедем в город.

Тридцатилетняя красавица поднялась.

– Я не понимаю...

– Тебе и не надо ничего понимать, – торопливо проговорил олигарх.

– Мне кажется, у тебя в последнее время слишком много неприятностей.

– Все будет хорошо, просто отлично, – пообещал Хайновский, – к большим деньгам – большая зависть. Тут уж ничего не поделаешь.

Женщина забралась в машину. Михаил Изидорович устроился рядом. Ладю всегда удивляло то, что водитель олигарха без слов знает, куда ехать. Стеклопанная перегородка, отделявшая салон от водительского места, поползла вверх.

– Забудь о том, что случилось. – Михаил Изидорович попытался взять руку женщины в свою ладонь.

Лада выдернула руку и подвинулась ближе к окну.

– Почему ты злишься на меня?

– Лучше не спрашивай, я могу наговорить тебе гадостей.

– Правильно сделаешь. Но запомни, они ничего не посмеют предпринять против меня.

Лада не ответила, отвернулась к стеклу, а Михаил Изидорович стал задумчив, он косился на свою любовницу и беззвучно шевелил губами, будто считал что-то невидимое.

Глава 2

Президент России поднял голову и посмотрел в глаза своему помощнику. В стране найдется мало людей, способных долго выдерживать взгляд главы государства и еще меньше способных под этим взглядом сохранять ясность мысли. Президент сидел за своим рабочим столом, в руках держал простой карандаш. Воздух в кабинете, казалось, был наэлектризован до такой степени, что в нем проскакивают маленькие искорки.

– Вы говорили с директором? Что у них там произошло с Хайновским? – бесцветный голос президента звучал тихо.

Помощник кашлянул и приложил руку к сердцу.

– Я посчитал нужным поговорить с тем, кто организовывал операцию по изъятию.

Глава государства перевел взгляд на черно-белую фотографию, стоявшую на столе в тщательно отполированной деревянной рамке.

– Я слушаю. – И отложил карандаш.

«Еще немного, и он бы его сломал», – подумал помощник.

– Хайновский неделю тому назад, соблюдая все меры предосторожности, распорядился установить сейф в недавно купленном доме. Предполагалось, что именно там он собирается хранить интересующие нас документы. Оперативники ФСБ под видом ограбления проникли в дом, вскрыли сейф, но вместо документов там оказалась бомба. Она и сработала.

– В результате два трупа и скандал, – напомнил президент.

– Скандал удалось замять. Личности грабителей останутся невыясненными.

– Ты бы хотел оказаться невыясненной личностью? – прозвучал риторический вопрос. – И они не хотели. Пока документы у Хайновского, мы не можем его арестовать. Это уже третья неудачная попытка.

– Разрабатывается четвертая...

– Мы даже не знаем, где он прячет документы.

– Директор предлагает сперва арестовать Хайновского и уж потом выяснить, где документы. – Поняв, что подбросил неподходящую идею, помощник замолчал.

Президент смотрел на фотографию в рамке: на парапете Невы сидели двое мальчишек с удочками в руках, между ними стояла трехлитровая банка, в которой плавала небольшая рыбка. На черно-белой фотографии золотой шпиль Петропавловки казался серебряным. Один из мальчишек сидел вполборота, и в нем без труда можно было признать действующего президента, второй же подставил объективу коротко стриженный затылок.

– Я не могу рисковать, – веско произнес глава государства, – документы должны быть найдены. Если три раза случилась осечка, никто не может гарантировать удачи в четвертый раз.

– Никто, – подтвердил помощник, – на Хайновского тоже работают профессионалы, на них он денег не жалеет.

– Не все решают деньги, – веско проговорил президент. – Клим Бондарев в Москве?

– Это можно выяснить.

– Он нужен немедленно. Клим найдет документы.

Помощник умел угадывать настроение хозяина кабинета, ему никогда не приходилось напоминать, что разговор окончен, он это чувствовал по интонации. С достоинством поднялся и направился к двери.

– Я сам переговорю с ним, – догнал помощника голос президента.

В политике одно из главных умений – умение сохранять спокойствие даже в тех случаях, когда происходит что-то невероятное.

– Хорошо, – спокойно ответил помощник, а сам подумал: «Что же такое в документах, которые сумел раздобыть и спрятать опальный олигарх Хайновский, если президент не пожалеет своего времени на встречу?»

А о плотности графика главы государства помощник знал очень хорошо.

* * *

Даже в столице, населенной миллионами людей, существуют места, где время течет неторопливо. В сотнях метров от проспектов, магистралей, запруженных нервно сигнализирующими автомобилями, существуют островки спокойствия. Один из таких немногочисленных островков в Москве – Коломенское. Частная застройка вдоль неширокой улицы сразу же заставляла вспомнить картины прошлого века. Черный кот неторопливо перешел дорогу и, нырнув в узкую щель между досками забора, исчез среди цветов.

Клим Владимирович Бондарев, сидя на крыльце своего дома, занимался странным делом: небольшим молоточком он плющил на наковальне серебряный тунисский динар. Клим орудовал молотком ловко, шел от середины монеты к краям. И серебряный диск удлинялся, вытягивался, становясь похожим на небольшую рыбку. Рыбаки всех народов суеверны, никто из них не может толком объяснить, почему та или иная снасть лучше, почему щука на две одинаковые блесны берется по-разному.

В прошлые выходные у Клим Владимировича щука на Валдае сорвала и утащила в озеро самую его удачную блесну. Невзрачную, самодельную, подаренную бывшему сотруднику спецслужб потомком русского моряка в Тунисе. Блесна была и в самом деле волшебная, стоило закинуть ее и потянуть к берегу или к лодке, как тут же объявлялась рыба. Мелкая на нее не бралась, только крупная.

Знакомые рыбаки чего только не предлагали в обмен на знаменитую блесну Бондарева: и деньги, и рыболовные снасти. Но он не поддавался соблазну, понимая, что счастье упустить легко, а купить невозможно. А теперь проклятая щука плавала в Валдае с подвешенной к губе на крючке блесной, а Клим пытался по памяти изготовить из серебряного динара ее копию, хотя и понимал бессмысленность такого занятия. Кто его знает, что привлекало рыбу в утерянной блесне? Форма, блеск, вкус? Можно повторить тысячу важных деталей и упустить одну – определяющую.

Клим Бондарев звонко ударил молоточком и поднес блесну почти к самым глазам, чтобы определить толщину пластины. В таком деле нельзя пользоваться штангенциркулем, так же, как и линейкой при рисовании. Все должна решать интуиция, вдохновение. И вновь мелко застучал молоточек, только теперь Клим стучал уже не по монете, округлый наконечник стограммового молотка ударял рядом с ней – просто по наковальне.

Бондарев только делал вид, что смотрит на руки, на самом деле он разглядывал то, что делалось на улице. Человеку непосвященному показалось бы, что между домами, разделенными проезжей частью и двумя узкими тротуарами, продолжает течь прежняя неторопливая жизнь, но Клим, привыкший в любых мельчайших изменениях находить скрытый смысл, тут же заметил перемены.

По улице проехала новенькая «Нива» с затемненными стеклами. Все соседские машины Бондарев мог бы описать с закрытыми глазами, начиная от марки и года выпуска и кончая царапинами на лобовом стекле. Такой «Нивы» ни у кого на улице не было. Почему она ехала по свободной дороге неторопливо? Ответ мог быть только один: чтобы люди, сидевшие в ней, могли осмотреться. Клим проводил машину взглядом. «Нива» завернула за угол и остановилась. Вскоре на улице появился парень в джинсах и пиджаке, мобильник он сжимал в ладони.

Повадки охранников, агентов спецслужб, оперативников Клим Бондарев знал как свои пять пальцев. Парень был профессионалом, держался непринужденно, дошел до фонарного

столба, просмотрел приклеенные к нему объявления и, якобы заинтересовавшись одним из них, набрал номер.

«Стоит спиной, чтобы я не мог прочесть по губам, о чем он говорит. Но все равно – прокололся. Слишком короткий разговор, и слишком быстро набрал номер. На меня даже не смотрит, значит, именно я его и интересую, – Клим сильнее ударил молотком, – нормальный человек всегда посмотрит, поинтересуется, откуда идет резкий звук».

Клим Бондарев мерно постукивал молоточком, когда с другого конца улицы появился еще один наблюдатель – на голове наушники, провод от них исчезал в кармане. Вроде бы человек плеер слушает, но от взгляда Бондарева не укрылся короткий отросток микрофона.

«Улицу блокировали. Подожду еще. Кажется, ко мне кто-то собрался в гости».

Клим не ошибся, вскоре на улице показался джип – солидный, черный, с частными номерами. Номера могли быть какими угодно, но машину Бондарев узнал с ходу.

«Помощник президента. Мог бы и позвонить, но любит угодить Самому, вот и устроил слежку».

Джип замер, не доехав пару домов. Из-за зеркальных стекол было невозможно рассмотреть, кто сидит в салоне.

«Звонит, говорит, что я дома и можно приезжать», – Клим еще несколько раз ударил молоточком, оставил неоконченную блесну и зашел в дом, оставив дверь приоткрытой.

Поглядывая в окно, набросил брезентовую куртку, подхватил матерчатый портфель и прошел в комнату, одну стену которой сплошь покрывали рыболовные трофеи: чучела экзотических рыб, акулы челюсти, редкие приспособления для рыбной ловли, фотографии, на которых Бондарев демонстрировал свой улов. Среди фотографий затесалась и одна совсем старая – черно-белая. На ней двое мальчишек сидели с удочками в руках на парапете Невы. Клим подмигнул фотографии, заглянул в небольшой бар-холодильник и вышел в соседнюю комнату. Подняв прикрытый ковриком люк, спустился в подвал. Люк опустился вместе с прибитым к нему ковриком.

Бондарев прошел мимо дощатых стеллажей, уставленных пыльными банками, бутылками, автомобильными запчастями. Пол подвала был вымощен печным кирпичом, аккуратно уложенным «елочкой», путь ему освещали тусклые лампочки, свисавшие с неровного бетонного потолка на витых шнурах. Кончался коридор крепко сбитой из грубых досок лестницей, по ней Бондарев и поднялся в дровяной сарай, находившийся в конце его участка. Воздух в прогретом солнцем сарае был густо напоен запахом еловой смолы, свет, пробивавшийся сквозь пыльное оконце, золотился на торцах поленьев.

Клим нешироко открыл дверцу и выскользнул из сарая к забору, отделявшему его участок от соседнего. Приподнял прибитую всего одним гвоздем доску и, пригнувшись, пробрался в лаз. В будке у соседского дома грозно зарычала огромная кавказская овчарка, но узнав соседа, тут же выбралась и завильяла хвостом.

– Тихо, назад, Роки, – Бондарев приложил палец к губам.

Умная псина мигом исчезла в будке. Открыв калитку, Бондарев оказался на соседней улице. Не оборачиваясь, он бодро зашагал к видневшейся за перекрестком людной магистрали.

Тяжелый джип, въехавший двумя колесами на тротуар, слегка качнулся – помощник президента устроился поудобнее, прежде чем ответить на телефонный звонок.

– Да, понял, кортеж в трех минутах от нас. Он дома, я глаз с него не спускаю, – произнося эти слова, помощник честно смотрел на приоткрытую дверь дома, за которой семь минут тому назад скрылся Бондарев.

Помощник отложил трубку и негромко бросил сидевшему перед ним охраннику:

– Обеспечьте встречу.

– Вся улица под нашим контролем, – бесстрастно ответил охранник, – к встрече готовы.

Помощник встрепнулся, когда из-за поворота показались два джипа.

– Президент... – выдохнул он, сообщая то, что охрана знала лучше его самого.

Машины вплотную подъехали к забору дома Бондарева. Охрана тут же прикрыла автомобили, заняв позиции между ними и забором. Помощник успел вовремя, он даже распахнул калитку, находившуюся напротив задней дверцы одного из джипов. Президент позади охранника, торопясь, зашагал к крыльцу. Помощник уже хотел распахнуть перед охранником дверь, как глава государства жестом остановил его и трижды постучал тыльной стороной ладони в косяк. Дом ответил ему тишиной. Взгляды президента и помощника встретились. Помощник растерянно пожал плечами.

– Проходите.

Охранник вскинул ладонь и, сунув правую руку под полу пиджака, исчез за дверью. Напряженное ожидание затягивалось. Помощник все это время старательно изучал носок своего идеально начищенного ботинка. Наконец появился охранник.

– Никого, – сообщил он.

Отстранив помощника, президент шагнул в дом. Первое, что он увидел в гостиной, – наковальню с недоделанной блесной на каминной полке. Прямо над ней висел старый фото-снимок в деревянной рамке. Глядя прямо в затылок сфотографированному мальчику, президент произнес:

– Ты сказал, что он дома?

– Я сам его видел, – растерялся помощник.

– Упустил? И ты, и моя охрана?

– Получается, что так.

Президент улыбнулся:

– Умеет.

– Он где-то поблизости, далеко не ушел. Сейчас... – помощник от волнения чуть заикаться не стал, он рылся в карманах, наконец извлек серебристую титановую телефонную трубку, – спецсвязь. Извините.

Помощник вдавил кнопку на панели, сапфировое стекло озарил синий свет, под ним пробежала изогнутая линия.

– Он на связи, сейчас ответит, – радостно улыбнулся помощник, уже готовясь вручить хитроумную трубку президенту.

И тут в гостиной прозвучал электронный зуммер. Один, второй. Помощник заглянул за наковальню и тихо выругался.

– ...он трубку... здесь оставил.

– Бондарев мог оставить трубку спецсвязи только специально для вас. – Президент сел на диван и развернул английский журнал по рыболовству.

– Мы... – начал помощник.

– Давайте лучше ждать. – Зашуршали глянцевые страницы.

Бондарев с потяжелевшим портфелем вошел в соседскую калитку, Роки даже ухом не повела, когда он проходил мимо ее будки. Когда же Клим выпрямился, преодолев лаз в заборе, то увидел нацеленный на него пистолет президентского охранника.

– Я думаю, что мне все же лучше пройти, – мягко сказал он, забрасывая портфель на плечо. – Как я понимаю, гости меня немного заждались.

Оказавшись в гостиной, Бондарев сухо кивнул помощнику. Президент захлопнул журнал, поднялся с дивана:

– Оставьте нас вдвоем. Да, – обратился он к помощнику, – не забудьте положить на стол папку.

Когда в комнате остались только президент и Бондарев, Клим крепко пожал протянутую руку.

– Извини за цирк, но я не мог отказать себе в удовольствии потряхнуть стариной. К тому же выпивка в доме есть, а вот с закуской туго, решил в магазин сбегать, – Бондарев выложил на стол свежий батон, пачку масла и банку красной икры, тут же принялся ее открывать перочинным ножом, – если порежешь хлеб, я возражать не стану. Что пить будешь? Или тебе нельзя – на службе?

– Я, как и ты, всегда на службе, но от рюмки холодной водки не откажусь.

Бутерброды общими усилиями получились по-мужски толстыми и не слишком красивыми, зато густо намазанными икрой.

– За встречу.

– Мы так редко встречаемся, что спиться нам не грозит.

Мужчины чокнулись и слегка пригубили ледяную водку.

– Как-нибудь выпьем на рыбалке.

– Когда это случится?

– Дел много, когда их будет поменьше...

– Ты сам в это не веришь.

– Обещаю, что потом... обязательно.

– Зуб пацана? – Бондарев перевел взгляд на старую фотографию.

– Золотые времена, – усмехнулся президент.

– Для меня ничего не изменилось. Настоящий друг не перестает быть другом, если ты его редко видишь.

– Жизнь такова, что чаще приходится встречаться с теми, кого и издали видеть не хочется. Что ты знаешь о Хайновском? – Президент сбросил улыбку с лица и положил ладонь на оставленную помощником папку.

– Когда ты не улыбаешься, то сразу становишься похожим на того, каким тебя показывают по телевизору. А это не совсем ты. О Хайновском кое-что знаю из газет. Кое о чем догадываюсь. Но специально им не интересовался. Какие с ним проблемы?

– Его давно следовало посадить. Он чувствует это и собирается продать американцам свою часть нефтяных месторождений. Приватизация была проведена так, что он может сделать это. У нас в запасе есть максимум месяц.

– Тут я тебе не помощник. А телефон «02» ты и без меня знаешь.

– Его нельзя трогать, пока у него на руках определенные документы.

– Ах, вот что искали люди из ФСБ в доме его любовницы. Но их нашла бомба, подложенная хозяином.

Президент скривил губы:

– Это уже третий прокол ФСБ. Четвертого не будет. Клим, ты должен достать эти документы во что бы то ни стало.

Бондарев спокойно дожевал бутерброд, слизнул икринку с губы и отряхнул руки.

– Что в этих документах?

– Для тебя это имеет значение?

– Всегда интересно узнать, ради чего приходится рисковать жизнью или хотя бы собственной репутацией. Ведь в случае прокола меня никто прикрывать не станет.

– Не станет.

– Документы касаются тебя лично? Серьезный компромат?

– Я бы так не сказал. Надеюсь, ты не думаешь...

– Я никогда не думаю плохо о своих друзьях, их и так мало осталось. Это не кассета и не фотографии сексуальных оргий, – ухмыльнулся Бондарев, – потому что изымать их бессмысленно, могут существовать копии. Да и времени на подобную ерунду у тебя нет, если даже от рыбалки отказываешься. Это не номера счетов в зарубежных банках и не схемы отмывания государственных денег. В таких случаях копия так же сильна, как и оригинал документа.

– Иногда важно то, что выплывает как неожиданность. Надо быть готовым к удару. Предупрежден, значит, вооружен.

– Нет, нет... ты точно знаешь, что прячет Хайновский. Можешь не говорить мне. Я согласен.

– В папке все, что удалось узнать про него, – Президент подвинул папку к Бондареву, словно боялся, что тот возьмет и передумает.

– Ты ешь, допивай рюмку, а я полистаю, – Клим Бондарев углубился в чтение.

Иногда его губы вытягивались в улыбку, иногда зло кривились. Некоторые страницы и фотографии он откладывал, почти не читая.

– Да они каждый его шаг отследили, повсюду прослушка, слежка, – изумился Бондарев.

– А толку? – пожал плечами президент. – Судить приходится по результатам. А они нулевые.

– Мне кажется, начинать следует здесь, – Клим отложил в сторону пару листиков, на одном из которых была фотография прогулочного теплохода у пристани. – Тебе не кажется странным, что олигарх, недавно похоронивший отца, решил хорошо отпраздновать на воде свое пятидесятидвулетие?

– У богатых свои причуды и своя мораль.

– Я не о морали. Для празднования совсем не обязательно было срочно покупать теплоходик, обустраивать его. А потом вложить еще столько же в специалистов, избавивших его от всех «жучков», установленных ФСБ. Заметь, от всех! ФСБ отслеживала все его встречи. А на день рождения соберется много народу. Кто просто гость, а кто приглашен для переговоров, не разберешься. Деревья прячут в лесу, как писал Честертон. На воде проще обеспечить безопасность, проще контролировать ситуацию. Хотя что я тебе об этом рассказываю, ты давно занимаешься другим. Оперативная работа для тебя в прошлом. Считай, что документы уже у меня.

– Клим, он не станет держать их на теплоходе. И просто так он с ними не расстанется.

– Я этого и не говорил, но наведаться на теплоход стоит. К тому же стоит он, если верить бумагам, у причала на Москве-реке всего в паре километров от моего дома. Мне даже не придется просить тебя подвезти меня туда, – засмеялся Клим.

– Через моего помощника можешь просить все, что тебе понадобится. Любую помощь и поддержку. – Президент глянул на часы. – Извини, больше нет времени.

* * *

Теплоход, гордо носивший в советское время имя Павлика Морозова, теперь стоял в Коломенском возле запасной пристани. Из рубки можно было рассмотреть островерхую колокольню знаменитого храма. Теперь теплоход носил абсолютно нейтральное название – «Аэлита». Так звали любимую литературную героиню его теперешнего хозяина.

Судно выглядело значительно лучше, чем в тот день, когда сходило со стапелей судостроительного завода. Исчезли деревянные лавочки, простые стальные поручни заменили на латунные. Крашенного простой масляной краской дерева невозможно было отыскать даже днем с огнем – сплошь дорогие лиственные породы, отшлифованные, пропитанные специальным составом и покрытые лаком. Небольшой корабельный колокол сиял ничуть не слабее, чем солнце.

На первый взгляд могло показаться, что на самом корабле и на пристани никого нет. Стоит себе готовый к увеселительной прогулке теплоход, и никому до него нет дела.

Клим Бондарев легко сбежал по откосу и задержался, совсем немного не дойдя до настила пристани. Бейсболка с длинным козырьком, отбрасывающим на лицо тень, темные очки, двухдневная щетина, придававшая ему несколько богемный вид, покрывала щеки.

Он знал, что безжизненность судна – кажущаяся. Люди из ФСБ предупредили его о том, что на корабле постоянно дежурят люди олигарха. Потому и не удавалось там вновь установить подслушивающую аппаратуру. А иногда на корабль наведывался и сам начальник охраны.

На Клима пока еще никто не обратил внимания. Мало ли народа гуляет в парке. Пяти минут хватило, чтобы оценить обстановку. Иллюминаторы новой надстройки были довольно маленькими. Рассмотреть целиком, что происходит внутри, почти невозможно. Но наблюдая за изредка мелькавшими тенями, удалось даже сосчитать, сколько людей находится внутри.

«Трое, – наконец определился Бондарев, – и еще двое в деревянной будке возле входа на пристань».

Охранники, сидевшие в будке, вели себя менее скрытно. Из-за приоткрытой двери вырывался легкий дым от сигареты. Охранники играли в карты. Еще неделю тому назад колода была новенькой, теперь же она засалилась, у карт заломились уголки. Оба игрока знали больше половины карт по рубашке, поэтому игра приобретала особый интерес, то и дело вспыхивали споры.

– Что ты мне даму не в масть подсовываешь, когда у тебя есть трефовый валет, – возмутился хмурый охранник.

– Ты не должен знать, что он у меня на руках. Может, я его в следующий раз из колоды возьму.

– Но он у тебя есть.

– Будем исходить из того, что ты не должен знать о его существовании.

– Тогда и игра закончена, – охранник бросил на стол веер из карт и выбрался на улицу.

Стоял на причале, шурясь от яркого солнца. Когда что-то охраняешь и ничего не случается, бдительность потихоньку притупляется. Осоловевшими глазами охранник медленно обвел пейзаж, даже не задержав свой взгляд на Бондареве.

– Вашу мать... – довольно громко произнес охранник, потягиваясь.

Под полой куртки мелькнула ручка пистолета.

– Сколько нам еще здесь торчать? – бросил он через плечо.

– Сколько надо, – резонно ответил его напарник.

– Совсем с ума хозяин сошел. Не знаешь, когда начальник охраны со сменой приезжает?

– Когда захочет, тогда и приедет.

– Ни хрена ты не знаешь.

Охранник вразвалочку двинулся по пристани к кораблю, преодолел узкий деревянный мостик с веревкой вместо перил и скрылся в надстройке.

«Хорошо, что я сюда наведалься», – подумал Клим Бондарев, разглядывая теплоход. То описание, которое предоставили ему люди из ФСБ, относилось к прошлой жизни судна, когда оно еще называлось «Павлик Морозов».

Реконструкцию, наверное, проводили без составления документации, целиком полагаясь на вкус нового хозяина. На носовой части палубы располагалась барная стойка, небольшое возвышение для оркестра и площадка для танцев. На кормовой части палубы имелись места, оборудованные для рыбалки. Чтобы гостям не испортил настроение внезапный дождь, над всей палубой был устроен навес из гофрированного полированного алюминия.

Наверняка под палубой имеется несколько уютных кают-кабинетов с кроватями и душевыми кабинками. За круглыми бортовыми иллюминаторами виднелись бордовые занавески, шитые золотом.

«Смотрятся они довольно развратно», – решил Клим.

С палубы в трюм вела крутая лестница, устланная ковром, слишком шикарным для того, чтобы ею пользовались только члены команды.

Бондарев вышел из-за дерева и неторопливо двинулся к причалу. Он шел, дымя сигареткой, словно бы не замечал дощатой будки, в которой расположился охранник. Тот спохватился, лишь когда слышал шаги по гулким доскам настила.

– Эй, мужик! – крикнул охранник. – Дальше идти нельзя. Видишь белую линию? До нее – можно, а за нее – нет.

– Почему?

– За ней начинается частная собственность.

– Да я в прошлом году с причала рыбу ловил.

– Раньше ловил, а теперь это частная собственность, – повторил охранник.

– Ты, что ли, владелец? – рассмеялся Бондарев.

Охранник наконец удосужился выбраться из своей будки.

– Может, и я, тебе-то какая разница.

– Никакой. Корабль красивый, – добавил Клим, став так, что носки его ботинок оказались вровень с белой линией, – сколько стоит?

– Что стоит? – не понял охранник.

– Покататься на корабле с барышней и выпивкой.

– Это раньше бы ты на нем за тридцать копеек катался, теперь удовольствие не для всех.

Клим медленно повернулся и пошел к берегу. Охранник какое-то время смотрел ему в спину. Бондарев не вызвал у него абсолютно никаких подозрений.

«Заинтересовался мужик кораблем. В самом деле, игрушка стоящая, дорогая не только в смысле купить, а в смысле содержать. Не каждому по карману».

Глава 3

Ранним утром Клим Бондарев встретился с подполковником ФСБ Прохоровым, тем самым мужчиной в штатском, который приезжал в дом олигарха после неудачного ограбления. Большой симпатии к Бондареву подполковник не испытывал. Кому же понравится, если тебя, руководителя операции, передают в оперативное подчинение неизвестно кому? О Климе он знал только то, что ему посчитал нужным сообщить помощник президента. А тот был немногословен.

«Антон Павлович, выполняйте все, что ему может понадобиться. Если что-то окажется не в ваших силах, лучше признайтесь сразу. Дело на личном контроле», – вот и все, что было сказано, но сказано весьма многозначительно.

Они прохаживались неподалеку от церкви Вознесения. Клим Бондарев оделся так, как обычно одевался по утрам: джинсы, легкий свитер. Прохоров в своем строгом темном костюме походил на чиновника, помогавшего иностранцу знакомиться с московскими достопримечательностями.

– Отплывают вечером? – Клим Владимирович, запрокинув голову, смерил взглядом высокую шатровую колокольню храма.

Прохоров подтвердил, что прогулочный теплоход «Аэлита», принадлежавший теперь Михаилу Хайновскому, готов к отплытию, продукты на него завезены, теперь ждут гостей.

– Кого именно? – уточнил Клим.

– Судя по количеству стульев, привезенных на корабль, компания ожидается довольно большая.

– Поточнее нельзя?

– Нет, Клим Владимирович. Приглашения не рассылались. Чувствую, появятся гости, которых мы с вами не ждали.

– Чиновники из администрации будут?

– Неизвестно.

– Кто охраняет мероприятие?

– Если ничего не изменится, то начальник охраны Хайновского Порфирьев, – сказал Прохоров.

Подполковнику и самому было мало что известно. Ясным стало лишь одно: на теплоходе готовится не простое празднование рядового дня рождения. Иначе к чему было Хайновскому разводить конспирацию? Бондареву, ясное дело, хотелось знать побольше, но он понимал – Прохоров сделал все что мог. Не так-то легко организовать слежку за одним из самых богатых людей России.

– Вам понадобятся мои люди? – напрямую спросил Прохоров.

– Их не должно быть рядом ни в момент отплытия, ни после, – твердо сказал Клим, – можете снять наружное наблюдение прямо сейчас.

– Вы уверены? – Прохорову казалось, что Клим настроен несерьезно.

– Не затягивайте с этим. – Бондарев кивнул и зашагал к выходу из парка.

«Станный человек, – подумал подполковник, – в его голосе сквозит такая уверенность, что поневоле начинаешь ему доверять».

* * *

Уже смеркалось, когда Клим Бондарев поставил машину на стоянку неподалеку от моста через Москву-реку. Одет он был в рыбацкий комбинезон, взял из багажника удочки и спор-

тивную сумку, взглянул на часы. Теплоход, если верить Прохорову, должен был отчалить от причала в Коломенском через час.

«Гулять будут всю ночь и за городом. На берег не сойдут, иначе зачем тогда столы, стулья. К чему избегать комфорта, когда на корабле все приготовлено по высшему разряду».

Прохожих было мало. Бондарев медленно проследовал по мосту до самой его середины, для вида размотал удочку, воткнул ее в трещину между бетонными плитами, облокотился на поручни, долго смотрел в черную далекую воду. Из спортивной сумки извлек маленький бинокль, облокотясь на перила, приложил его к глазам, навел на сияющий огнями теплоход, замерший у причала.

Он видел, как к набережной одна за другой подруливают машины. По номерам Бондарев определял, какая машина какому ведомству принадлежит. Добрая половина приглашенных – государственные чиновники. Было несколько «Мерседесов» из Государственной думы с мигалками и прочей атрибутикой, до которой так падки депутаты. Один автомобиль из Совета безопасности. Кто именно на нем приехал – Клим, как ни старался, рассмотреть не смог – человек в черном костюме с невыразительным лицом прошмыгнул по трапу, и опекали охранники его слишком плотно, словно закрывали телами от выстрела снайперской винтовки.

«Хорошо работает охрана. В Совбезе всегда были профессионалы, и даже сейчас, когда ведомство утратило прежнее значение, в нем работают на совесть».

Клим отметил и то, что с мужчинами, почти с каждым, приехала дама. Обычно, когда планируются деловые переговоры, женщин можно пересчитать по пальцам.

– Ну вот и все, – пробормотал Клим, когда стоянка перед причалом опустела, двое охранников покинули набережную и подняли мостик со свежепокрашенными перилами.

И тут произошло что-то странное. По набережной к причалу на большой скорости подлетела белая «Волга». Номера были частные.

– Кто же это? Большие люди на «Волгах» теперь не ездят. Если не считать любителей отечественного автомобилестроения. Машина без мигалки, без антенн, самая обычная.

Из машины несколько раз настойчиво посигналили. Охрана засуетилась. Мостик немедленно вернули на прежнее место. Сам Хайновский вышел встретить опоздавшего гостя. Он наклонился к дверце, распахнул ее и подал руку. Из машины не вышла, а именно выпорхнула женщина лет тридцати. Бондарев не видел со своего места ее лица, только пышные волосы, рассыпавшиеся по полуобнаженным плечам. Зато ему прекрасно было видно лицо Хайновского. Олигарх приобнял гостью, и глаза его зло сузились.

Женщина под руку с олигархом ступила на причал.

– Лада Сельникова! Вот это уже любопытно, – усмехнулся Бондарев, – как я понимаю, Хайновский думал, что она не приедет, даже машины за ней не послал. А ведь она могла погибнуть при взрыве.

«Если бы опоздал простой депутат или даже лидер фракции, мостик навряд ли бы опускали. Пароход бы медленно отплыл, поморгав огоньками опоздавшему, и растаял бы в ночной мгле. А гости, опершись на перила палубы, махали бы ему рукой».

Теплоход развернулся перед причалом, вода у бортов забурилась, огоньки, как показалось Бондареву, засверкали ярче, и корабль поплыл к мосту. Со стороны Клим напоминал обыкновенного зеваку-рыбака, у которого не заладилась рыбалка, а домой возвращаться не хочется. Вот он и застрял на мосту, раздумывая, куда бы податься. Может, пойти в гаражи и с мужиками выпить, а может, еще постоять, покурить, стряхивая пепел в реку.

Пароход медленно приближался. Бондарев уже слышал музыку, летящую над гладью реки.

– Пора, – пробормотал он, перелезая через перила, пристегивая к ремню карабин.

Веревку он держал в руках, свободный конец был привязан к тумбе ограждений.

– Ну же, ну же, – шептал Бондарев, медленно в уме ведя обратный отсчет.

– ...десять, девять...

Он присел на площадке за тумбой, чтобы его не увидели с парохода. Но никто на мост и не смотрел. Все были поглощены началом торжества. Вспыхивали на палубе бенгальские огни, оркестр играл на возвышении. Охранники были уверены, что никто посторонний на борт не проник и можно расслабиться до тех пор, пока гости не примут лишнего и не начнут выяснять, кто из них важнее, не начнут высказывать, как с трибуны, свои взгляды на сегодняшнюю жизнь, понося на чем свет оппонента. Тогда может начаться и небольшая потасовка. К счастью, буйных гостей не было, значит, все пройдет относительно тихо. Во всяком случае, за борт никого не сбросят.

Гости разбирали бокалы с шампанским. Фуршет уже начался. Небольшой оркестр старлся вовсю. Клим быстро спрятал бинокль в карман комбинезона, положил удочку у края ограждения так, что с тротуара ее нельзя было заметить. Прижал сумку к себе. Теперь он уже не мог видеть, что происходит на палубе, теплоход заходил под мост.

– С богом, – сказал Клим, отталкиваясь от парапета.

Веревка натянулась, и Бондарев, как опытный альпинист, заскользил по ней вниз. Оттолкнулся он удачно, веревка почти не раскачивалась. Все произошло именно так, как он рассчитывал, с точностью до сантиметра. Клим завис над теплоходом, сгруппировался – поджал ноги, пропуская под собой антенну с тарелкой космической связи, и опустился за рубкой, в метре от нее. Тут же отстегнул карабин и, натянув веревку, дал свободному концу выскользнуть из металлического кольца, размахнувшись, отбросил ее. Веревка исчезла в бурлящем потоке за кормой.

Секунд десять Бондарев сидел на корточках, прислушиваясь к разговору двух охранников. Они стояли у борта прямо под ним и курили. Клим видел их затылки. У каждого имелись наушники и выносной микрофон.

Говорили охранники, как обычно, не о работе, а о бабах. О чем еще может мечтать здоровый мужик, которому сегодня нельзя выпить ни грамма спиртного, нельзя ни с кем даже потанцевать. Можно лишь пожирать красавиц глазами да сглатывать слюни, глядя на разнообразные закуски, вдыхать аромат дорогих сигарет.

– Ты видел ту бабу?

– Которую?

– Она с депутатом от либерал-демократов приехала. Ты видел, какая на ней блузка?

– Видел, – облизнувшись, со вздохом произнес другой охранник, – дырчатая вся, словно сеть рыболовная, а под сетью – ничего нет.

– Соски, как каменные, сквозь дырки в крупной вязке наружу торчат. Она бы еще кольца в них всунула, как в уши. И специально, сука, перла прямо на меня, чтобы грудью меня коснуться.

– Можно подумать, ты отскочил?

– Отскочил, работу терять не хочется. В другое время и в другом месте я бы на депутата хрен забил, я бы его бабенку оприходовал как нечего делать.

– Денег у тебя не хватит, – философски заметил второй охранник.

– Ей, ты знаешь, между прочим, на деньги уже, наверное, смотреть не хочется. Они у нее изо всех мест пачками торчат. Ей что надо? Ей мужика хорошего подавай, а не депутата старого.

– Думаю, что и мужиков у нее хватает. Тебя среди них нет.

Улучив момент, Бондарев бесшумно спустился на палубу за выступом пожарного гидранта, прокрался, прижимаясь спиной к надстройке, почти за самыми спинами охранников. Те даже не пошевелились, занятые своей беседой. Их крепкие затылки напомнили Бондареву два булыжника у обочины дороги.

«Расслабились парни», – подумал он, сбега по металлической лесенке вниз, туда, где располагались каюты. Открыл первую попавшуюся, в узком коридоре возник охранник, слышавший шаги, но он не успел рассмотреть Бондарева, быстро проскользнувшего в каюту.

И на этот раз Климу повезло. Каюта была пуста. Две кровати аккуратно застелены. На столике – ваза с цветами. Бондарев закрыл за собой дверь, повернул защелку. Быстро стянул комбинезон, остался в костюме, при галстуке. На лацкане поблескивал депутатский значок.

Охранник остановился у двери, негромко, но настойчиво постучал.

– Что надо? – буркнул из-за двери Бондарев.

– Это охрана.

– Ну и что из того, что ты охрана. В туалет сходить не дают.

– Извините, – произнес охранник.

Клим прислушался.

«Не уходит».

Он был готов к тому, что охранник попытается войти, если время ожидания затянется. Тогда с ним пришлось бы разобраться другим способом, более простым и надежным. Разобравшись, пришлось бы засунуть его под кровать, туда, куда обычно складывают чемоданы, где уже лежал комбинезон.

Немного постояв у зеркала, Бондарев причесался, поправил узел галстука, осмотрел себя.

– Мужчина хоть куда. В таком виде можно и в загс заявиться, сразу за жениха примут.

Он вытащил из вазы, стоявшей на столике, букет цветов, пышный, со вкусом подобранный. Небрежно стряхнул воду, сунул в рот сигарету, зажигать ее не стал, и вышел в коридор. На лацкане пиджака демонстративно поблескивал депутатский значок.

Охранник хмыкнул.

– Огонька не найдется? – опередил вопрос охранника Бондарев.

С торчащей сигаретой подался вперед, словно хотел ей прикоснуться к кончику носа охранника. Тот отшатнулся, растерялся и даже потянулся к кобуре.

– Не шали, – усмехнулся Клим Бондарев.

– Извините, привычка.

– Оно понятно. Из какого подразделения будешь, что прошел? – заметив шрам у левого уха охранника, осведомился Бондарев.

Тот что-то пробурчал про Седьмое управление и наконец щелкнул бензиновой зажигалкой. Клим прикурил и умудрился задуть огонек, не вынимая сигареты изо рта.

– Спасибо. – Он хлопнул охранника по плечу и уверенно зашагал к выходу, оставив после себя запах дорогого одеколона.

– Везет же некоторым, и здоровье у него есть, бабок, наверное, немерено, и должность не маленькая. А я за свои семь сотен горбатиться должен, как проклятый. Сейчас напьется, как свинья, начнет посуду крушить, бабу снимет, какую пожелает, может в каюте наблеть, и ничего ему не сделаешь. Вытрут, уберут, обмоют, еще и извиняться примутся, в глаза заглядывая. Вот это жизнь.

Бондарев же смешался с гостями и выглядел среди разодетых мужчин и элегантных дам абсолютно своим. Разноцветные лампочки подсветки, громкая музыка, хохот и выкрики меняли людей до неузнаваемости. Со вторым бокалом шампанского исчезла чопорность, узлы галстуков расслабились, пиджаки были расстегнуты. Все вели себя раскованно.

Через пару минут Бондарев понял, что будет лучше, если он депутатский значок снимет, спрячет в карман. Депутатов на палубе хватало. А эти своих знают, как волк знает всех из собственной стаи. Теперь его принимали: чиновники за бизнесмена, бизнесмены за чиновника, а депутаты вообще не обращали на Бондарева внимания. Ходит себе мужчина, и пусть ходит,

не шумит, не орет, ни к кому не цепляется. Раз пустили на корабль, значит, свой в доску. Лишних людей здесь не держали.

Клим старался не спускать глаз с Хайновского, тот постоянно держался рядом с еще одним олигархом – Семеном Липским, они словно приросли друг к другу, как сиамские близнецы. И немудрено, их бизнес был связан накрепко.

«Публика разбивается на пары, на группы по интересам, и только я пока один, так недолго и засветиться».

Чиновник из Совбеза держался поодаль от депутатов. Он не привык к подобным тусовкам. Он не пил, лишь держал в руках бокал, полный шампанского.

«Значит, будет говорить с кем-то о деле. О делах всегда говорят на трезвую голову».

С бокалом шампанского Клим подошел к нему.

– Извините, Кирилл Андреевич, вы меня помните?

Чиновник вел себя на борту теплохода «Аэлита» совершенно естественно, как ведет себя человек, который находится здесь по праву, если не рождения, то хотя бы службы.

– Нет, вы, наверное, ошиблись. Мы не встречались раньше.

– Что ж, жаль...

«В любой компании найдутся завсегдатаи, – подумал Бондарев, – те, кто не пропускает ни одной из тусовок, те, кто всегда в курсе событий. Искать таких людей среди мужчин, во всяком случае, здесь, где собрались политики и бизнесмены, дело безнадежное. Женщины же любопытны от природы, поэтому надо обязательно найти подход к одной из них».

Он глянул вдоль борта. В основном публика уже успела разбиться на пары.

«Одиночек немного, – усмехнулся Клим, – вот одна – красива, умна, но обаяния в ней не больше, чем у шипа на стебле розы. Глаза умные, а взгляд желчный. Наверняка она не журналистка. Представителям этой профессии вход на сегодняшнее мероприятие заказан. А вот и та, что может мне подойти. Другие приближаться к ней боятся, а самому Хайновскому некогда».

Бондарев пробрался между танцующими парами и облокотился на латунный поручень в метре от Лады Сельниковой, которая, скучая, грустно смотрела на речную воду, рассекаемую теплоходом. Город уже кончился, шли берега, покрытые редким лесом, за деревьями просматривались огоньки домов.

Одинокая женщина даже не повела взглядом в сторону Бондарева. Клим кашлянул, она не двинулась.

– Здесь скучно, – проговорил Клим то ли самому себе, то ли возможной собеседнице.

– Слишком скучно, – не поворачивая головы, отвечала Лада.

– Скучно бывает только там, где все заранее известно, – Бондарев добавил в интонацию несколько вкрадчивых ноток.

Клим знал, что на палубе этого теплохода он обречен на успех. Люди политики и бизнеса обычно не очень привлекательны. Они намертво срастаются со своими занятиями. Политик и в постели политик, бизнесмен даже во время поцелуя думает о том, как и где крутятся его деньги. И женщине, жаждущей внимания, не очень приятно иметь дело с человеком, вроде бы и присутствующим рядом, но в то же время озабоченным далекими от любви проблемами.

– Я знаю, что вы сейчас мне предложите, – чуть заметно улыбнулась женщина и зябко повела плечами.

На воде даже летней ночью холодно.

– Не отгадаете, – усмехнулся Клим.

– Вы хотели мне предложить поскучать вместе.

Бондарев развел руками:

– Вы угадали, а теперь я попробую угадать, что вы мне ответите.

Наконец-то на лице Лады появился вполне определенный интерес к Бондареву.

- Вы бы сказали, что именно эту фразу ожидали от меня услышать.
- Хорошо, – кивнула женщина, – я бы так сказала, но что бы я подумала при этом?
- Вы бы подумали, почему я этого мужчину никогда раньше не видела. Компания собралась довольно тесная, и случайных людей быть не должно.
- Кто же вы?
- Секретный агент, посланный спецслужбами выведать все местные секреты, – шепотом произнес Бондарев, улыбаясь.
- Бросьте, настоящий агент никогда в этом не признается, особенно болтливой женщине.
- Что ж, если б я сказал, будто холост, это прозвучало бы еще менее правдоподобно.
- Они оба искренне засмеялись. Смех всегда сближает.
- Честно говоря, я вас заметила давно, – женщина поманила пальцем официанта с подносом и взяла тонкий высокий бокал с сухим вином, – не люблю шампанского.
- Я же стараюсь быть поближе к народу, – окинув взглядом публику, сказал Клим, – прекрасно помню, как в конце восьмидесятых шампанское называли пивом кооператоров. Они пили его и на пляжах, и в шашлычных.
- Вы не спешите представиться, – глядя на Клима поверх бокала с вином, произнесла женщина.
- Мистер Икс или агент 007, – ответил Клим и коснулся широким фужером узкого бокала.
- Раздался мелодичный звон.
- Мой фужер звучит на «ми-бемоль» первой октавы, ваш на «соль».
- Лада пристально посмотрела на него.
- Нам осталось отыскать того, у кого бокал прозвучит на «до» первой октавы. «Доминор» – мое любимое минорное трезвучие.
- За знакомство, – сказал Бондарев, отпивая немного из фужера и щелкая по нему ногтем, – вот оно, недостающее «до».
- Вы любите музыку?
- И музыку тоже.
- Лада Сельникова, – назвалась женщина, – вас я тоже раньше не видела.
- Секретные агенты редко выходят на свет. Кто этот человек, вы знаете? – Клим показал на чиновника Совбеза.
- Кирилл Андреевич стоял, выжидая момент, когда сможет подойти к олигарху Хайновскому. Лада пожала плечами.
- Я впервые его вижу.
- Меня, наверное, как и вас, тоже удивило его прибытие.
- Она призадумалась.
- Кажется, я понимаю, почему он здесь. Вернее, почему здесь оказались все остальные, возможно, кроме вас, – прищурившись, сказала она.
- Это как у Честертона, – беспечно сказал Клим, – помните, отец Браун рассуждал, где лучше всего спрятать дерево?
- В лесу, – продолжила цитату Лада.
- Вот именно, человека, с которым нужно переговорить, удобнее всего спрятать среди гостей. Простите, – Клим взял руку Лады, – давайте потанцуем, – это Бондарев сказал, заметив, что Хайновский с Семеном Липским стали перешептываться, хотя до этого говорили вполголоса.
- Я даже не успела сказать «да», – с легкой обидой произнесла женщина.
- У меня не было времени дожидаться ответа, – и Бондарев приложил палец к губам, – скажете свое «нет» после танца.

Хайновский кивнул Кириллу Андреевичу Братину. Чиновник Совбеза показал на циферблат часов, покрутил рукой в воздухе и поманил его пальцем. Хайновский тут же отрицательно качнул головой, но все же подошел, оставив Липского в одиночестве. Бондарев почувствовал, разговор между ними троими, включая Липского, назначен на более позднее время, когда уже никому ни до кого на теплоходе не будет дела, когда веселье перевалит за наивысшую точку. Вот и злитесь олигарх, что его торопят.

Бондарев с Ладой оказались ближе других танцующих пар к Хайновскому в тот момент, когда Кирилл Андреевич, подойдя к олигарху вплотную, тихо, но четко произнес:

– Я узнал еще кое-что, о чем прошел слух в администрации.

Братин огляделся, продолжая нервно улыбаться. Совсем неподалеку от него танцевала пара, но мужчина и женщина смотрели в глаза друг другу, им ни до кого не было дела.

– Сменился человек, ответственный за вас, – глядя мимо Хайновского, проговорил Братин, – поэтому я и подошел к вам раньше, чем мы окажемся за одним столом с Липским.

По лицу Хайновского пробежала нервная дрожь. Олигарх хорошо понял, что президента не оставило желание сломить его упрямство.

– Это меняет дело. Я бы не хотел, чтобы об этом стало известно Семену Липскому, – побелевшими губами ответил Хайновский.

– Я, если потребуется, найду способ узнать, кто именно приставлен к вам.

Хайновский метнул быстрый взгляд в сторону Липского. Тот мирно беседовал с одним из депутатов, стоя на самом носу корабля.

– Чего вы от меня потребуете за подобную услугу?

– Не чего, а сколько.

Если бы Хайновский меньше владел собой, его брови изумленно взметнулись бы. То, что Братин согласен на банальную взятку, а не на услугу, способную принести в результате значительные дивиденды, явилось для него открытием.

– Обстоятельства так сложились. Шестьдесят тысяч. Вы подумайте и дайте мне знать, – Братин отошел в сторону.

Хайновский остался стоять, глядя на фужер с шампанским в руке. Разговор произошел очень быстро и неожиданно.

Прозвучала финальная музыкальная фраза. Клим подвел Ладку к поручням.

– Хотите еще выпить?

– Нет, кажется, я ошиблась, здесь не смертельно скучно. У вас, мистер Икс, очень тонкий слух, потому как я ничего из разговора не услышала.

– Музыкальный, – подняв палец, весело уточнил Бондарев.

Олигархи уже советовались между собой. Липский нервничал и теребил Хайновского за рукав пиджака.

– Михаил, не может этого быть. Тебе не почудилось? Он хочет получить взятку?

– Вот те крест святой, – отвечал Хайновский, – сказал, шестьдесят тысяч.

– А если это подстава? Он же человек государственный и если почувствовал, что под тобой земля зашаталась, то сдаст тебя не задумываясь.

– Я ни на кого не рассчитываю, ты тоже сдашь меня, если понадобится.

– Михаил...

– Я давно перестал быть наивным. Каждый печется только о своем интересе. И я в том числе. Вы меня будете спасать до последнего. Братин знает, что мне очень много известно про него. А ты понимаешь, что следующей в списке после моей стоит твоя фамилия.

– Михаил, – Семен Липский сокрушенно покачал головой, – я за тебя буду бороться до последнего.

– Я побеспокоился о себе сам. Мне понадобится только минимальная помощь.

– Сколько лет жили, с властью дружили, теперь, когда своих людей в верха провели, думал, покой настанет.

– В этой стране никогда покоя не будет, если у тебя лишний доллар в кармане есть, его обязательно кто-нибудь вытащит.

– Я всего лишь хотел получить от него подтверждение, что действую правильно. Через полчаса соберемся в зале.

– Вы опасный человек, – Лада положила руку на блестящий поручень, достаточно близко, чтобы мужчина мог пожелать положить свою ладонь поверх ее.

– Вы любите играть на опережение, поэтому я скажу, что намек понял, но повременю.

Лада отдернула руку от металла, словно тот был раскаленным. В ее взгляде читалась обида, но тут же улыбка тронула ее губы.

– Плохо быть умной.

– Я понимаю, умным труднее получать удовольствие.

– То, что вы делаете и говорите, граничит с хамством, но почему-то мне это нравится.

– Я привык делать только то, что мне нравится, – прошептал Бондарев прямо ей в ухо.

– Вы, как и я, не любите условностей, они скучны.

– Скучны не сами условности, а люди, соблюдающие их. Где здесь может располагаться комната для переговоров?

– Вы бы хоть для приличия сказали, что я вам понравилась.

– Если бы вы мне не понравились, я бы к вам не подошел.

– У нас еще двадцать минут, – глядя в глаза Климу, произнесла Лада, – вас же интересует встреча Хайновского с Липским?

– Вы его ненавидите, – усмехнулся Клим.

– Не преувеличивайте, – она взяла мужчину за руку, – так выглядит убедительнее, будто мы идем целоваться.

– Вы их обоих ненавидите.

– Я уже не умею ненавидеть, нельзя ненавидеть то, чем живешь.

Клим и Лада прошли вдоль борта по узкому проходу между надстройкой и поручнями. Двое охранников стояли около двери, ведущей в надстройку.

– Тут найдется место, где никто не будет на нас смотреть? – с упреком спросила у охранника Лада.

Тот лишь пожал плечами, сохранив бесстрастное выражение на лице. Служба приучила его относиться к гостям с уважением и при этом неукоснительно выполнять распоряжения начальника охраны.

– На проходе мы никому не помешаем, – бросил Бондарев.

Он вел себя довольно развязно и нагло, как и подобало высокопоставленному гостю, который может брать, что пожелает, и требовать, чего захочет.

Клим и Лада стояли в узком проходе между надстройкой и поручнями. Основное веселье шло на носу корабля. На корме стояло лишь несколько пар. Лада чуть заметно кивнула. Клим скосил глаза.

– Зал для переговоров, они соберутся там.

За открытым иллюминатором виднелась большая каюта с овальным столом для переговоров. Стол был рассчитан человек на двенадцать, но теперь вокруг него стояло лишь четыре кресла. У стены под написанным маслом пейзажем примостился столик с выпивкой и легкой закуской. Сомнений не оставалось. Именно здесь должны пройти переговоры между олигархами и чиновником Совбеза.

Переговоры неофициальные. Если бы все делалось открыто, они прошли бы в любом из офисов, принадлежавших олигарху. Но там повсюду стояли подслушивающие устройства, корабль же был специально проверен.

– Не знаю, кто вы на самом деле, – произнесла женщина, – но человек вы рискованный.

– Слышать мне это приходится далеко не первый раз, – улыбнулся Бондарев.

– И достаточно наглый, – Лада повела плечом, на которое Клим положил руку.

– И это тоже мне говорят не впервые. Я привык.

– Почему вы подошли ко мне?

– Я не ошибся.

– И все же, почему?

Клим решил до конца сыграть в открытую.

– Я заметил по вашему взгляду, что вы его ненавидите, значит, не откажете себе в удовольствии сделать ему гадость.

– Я смотрела за борт, на воду, моя нелюбовь относилась к холодной ночной воде... Тем более вы не из ФСБ, я это чувствую.

– Думайте, как хотите.

– Возможно, вы из другой структуры, один из тех, кто следит за законностью действий сотрудников Совбеза. Мне, мистер Икс, это все равно. Вы правы, я хотела бы доставить Хайновскому неприятности.

– Надеюсь, не таким образом, чтобы он знал, от кого они исходят.

– Нет, что вы, я дорожу тем уровнем жизни, которого достигла.

– Неприятности у него будут, это я вам обещаю.

– А у меня?

– Вы не подлая. Просто Хайновский подверг риску вашу жизнь, подложив в сейф бомбу вместо документов. И теперь справедливо расплатится за это.

Клим просунул руку в приоткрытый иллюминатор и задернул занавеску так, чтобы изнутри не просматривался проход.

– Я удивляюсь сама себе.

– А я вам.

– Когда в доме рванула бомба, я впервые почувствовала, что жизнь моя не вечна.

Охранник выглянул за угол надстройки, увидел обнимающихся мужчину и женщину. Ладу он знал в лицо. Любовница Хайновского появлялась на светских раутах часто, хотя прежние отношения между ним и Ладой пошли на убыль. Но олигарх имел немного женский характер в том, что касалось личных отношений. Он никогда не рвал их окончательно. Жизнь, в особенности бизнес, приучили его к тому, что никогда не стоит наживать себе врагов. Обойдется дороже.

Лада подалась к Климу поближе. Ее рука скользнула под пиджак.

– О, – усмехнувшись, сказала она, коснувшись кобуры с пистолетом, – как вам удалось пронести оружие на корабль через рамку металлоискателя? Или у вас пластиковый пистолет? Я слышала, что есть и такое оружие, его нельзя обнаружить при помощи детектора. Оно стоит огромных денег.

– Пистолет обычный. Я же говорил вам, а вы не верили.

– Только охрана ходит по палубе с оружием.

Бондарев приложил палец к губам. В глазах женщины мелькнул испуг.

– Я всего лишь хотела доставить неприятность Хайновскому, но я не так мстительна, чтобы желать гибели.

– Никто не пострадает, это я вам обещаю.

И, странное дело, женщина поверила Климу. Он умел говорить так, что ему верили.

– Как редко мы смотрим на небо. Иногда целый месяц не глянешь вверх, только под ноги или по сторонам.

Лада рассматривала огромные лохматые звезды, раскинувшиеся над рекой. Дизель работал тихо, его существование ощущалось лишь по легкому дрожанию палубы, которая была сделана из толстых пихтовых досок.

– Здесь вам будет холодно и небезопасно, – сказал Клим, снимая руку с плеча женщины, – идите на нос корабля.

– А вы?

– Я найду вас позже.

Глава 4

Не успела Лада опомниться, как Бондарев вскочил на латунную трубу парапета, ухватился руками за край навеса и, ловко подтянувшись, исчез на нем. Ей впервые приходилось встречаться с подобным мужчиной.

– Уж не знаю, кто он, – пробормотала Лада, – но дело свое знает.

Она стояла немного растерянная, ей казалось, будто мужчина, так пока и не назвавший своего имени, ей привиделся. Сверху, с тонкого алюминиевого навеса, не раздавалось ни шороха. Она медленно пошла вдоль борта, миновала охранника, который курил, ловко спрятав сигарету внутрь кулака. Завидев гостью, охранник задержал дыхание, чтобы не выпустить дым. Курить охране во время дежурства запрещалось.

– Курите, меня это не волнует, – бросила Лада рослому плечистому охраннику, на полголовы выше Бондарева.

«Странное дело, он тоже силен, хорошо сложен и, наверное, не полный дурак, но какое отвращение я к нему испытываю», – Лада подошла к столику и взяла еще один бокал с сухим вином.

Клим тем временем распластался на алюминиевом навесе. Его спасало то, что палуба ярко освещалась, поэтому его силуэт не просвечивался. Больше всего Клим опасался, что его могут заметить из рубки. Он видел профиль мужчины в фуражке, положившего руки на штурвал. Мужчина сосредоточенно смотрел вперед, на темную воду, подсвеченную ярким прожектором, боясь пропустить мель или сбиться с курса.

Бондарев подполз к тыльной стороне рубки и уселся, прислонившись к ней спиной. Стекло проходило в сантиметрах двадцати над его головой. Даже если бы мужчине, ведущему теплоход, пришлось бы носом уткнуться в стекло, то самое большее, что он смог бы увидеть, так это носки ботинок Клим.

Рядом с рубкой из надстройки выходила металлическая труба, прикрытая конусом-колпачком, – вентиляция каюты. Клим чуть отогнул жестяной край и заглянул в нее. В межпотолочном пространстве вращал лопастями небольшой вентилятор. Его тихое гудение наверняка не дало бы расслышать разговор, происходящий внизу.

Бондарев вытащил из кармана пиджака зажигалку и, просунув руку в трубу, остановил лопасти вентилятора, осторожно разжав пальцы. Теперь вентилятор бездействовал. Крыльчатка прижала зажигалку к арматуре. Вентиляционный канал располагался прямо над столом.

Теперь Бондареву оставалось лишь ждать, когда появятся хозяева жизни и этого праздника, на котором он был незваным гостем. На всякий случай он расстегнул кобур и чуть приподнял пистолет, чтобы выхватить его, если придется, без всякой задержки.

Лада стояла у парапета с бокалом вина и смотрела на Хайновского. Тот, ощутив на себе пристальный взгляд, повернул голову и улыбнулся женщине.

«Хороша, чертовка, – подумал он, – но слишком умная, с дурами проще. Им много не надо: дорогой, с их точки зрения, подарок, немного внимания, пара ласковых слов. Ей же этого всегда было мало».

Но тем не менее Михаил Хайновский любезно улыбался, будто пытался напомнить улыбкой о нескольких счастливых днях из прошлой жизни.

«Вид у нее такой, будто заготовила ножик и хочет всадить его мне под ребра», – подумал он.

– У тебя с ней не заладилось? – спросил Липский у Хайновского. – Лада такая штука, что ее, кроме тебя, никто потянуть не сможет.

– В каком смысле – потянуть? – зло осклабился олигарх.

– О женщинах – потом, – коротко оборвал его Липский. – Время. – И он подозвал начальника охраны: – Скажешь Братину, чтобы зашел в кают-компанию через десять минут. – Сказав это, Липский даже не дождался подтверждения, поняли его или нет, свое время он ценил.

Кирилл Андреевич любезничал с молоденькой девушкой, устроившись за стойкой бара. Та заливисто смеялась, запрокидывая голову и картинно рассыпая светлые волосы по оголенной спине. Чувствовалось, она привыкла работать на камеру. На экране и на фотографии ее ужимки смотрелись бы натурально, но в жизни выходил явный перебор.

Хайновского это коробило. Братин же был непритязательным, любил простые удовольствия. И если большинство гостей пили вино и шампанское, он то и дело прикладывался к высокому стакану, до половины наполненному водкой, в которой позванивали крупные кубики льда.

– Извините, но я хотел бы переговорить. Пара минут.

Девушка сперва недовольно обернулась, ей не хотелось прерывать флирт, но, увидев, что перед ней начальник охраны олигарха, тут же посчитала за лучшее соскользнуть с высокого никелированного табурета и отойти к борту, на прощание послав Кириллу Братину воздушный поцелуй и короткую фразу:

– Я буду ждать вас.

Братин нервничал, ему не нравилось, что начальник охраны попросил его задержаться на палубе.

«Неужели я промахнулся? – подумал чиновник Совбеза. – Неужели он не поверил в искренность моего предложения, думает, что это подстава?»

Хайновский даже не глянул в сторону Братина, будто они не были знакомы.

– Все в порядке? – спросил олигарх, проходя мимо охранника, стоявшего возле угла надстройки.

– Никто подозрительный не крутился, – тихо произнес охранник.

– Никто подозрительный? Или вообще никого?

– Была тут парочка, от чужих глаз прятались, – добавлять, что это была Лада, любовница хозяина, охранник не стал.

Это объяснение вполне устроило Хайновского.

Трое мужчин с серьезными лицами зашли в кают-компанию, расселись за овальным столом.

Девушка, с которой еще минуту назад любезничал Братин, попробовала было перебраться на корму, но охранник преградил ей дорогу.

– Попрошу вас вернуться, – тихо, но твердо проговорил он.

– Мне туда надо.

– Через полчаса пожалуйста, но не сейчас.

Фотомодель обиженно поджала губы и, вильнув бедрами, пошла к гостям.

Братин положил перед собой сжатые кулаки.

– Я не могу присутствовать здесь как официальное лицо, – сказал он, – я сделал для вас, Михаил Изидорович, все, что мог.

– Слабо в это верится, – вздохнул Хайновский, – вы не предупредили меня, что придут грабители.

– Я намекал, ведь и сам не знал толком, у меня нет прямого доступа к планам операции. Они ищут документы. Компромат на самом деле так опасен для президента?

Хайновский улыбнулся:

– А вы как считаете?

– Я бы постарался обходиться с ним осторожней.

– Взрыв бомбы – ерунда по сравнению с документами, которыми я располагаю. Они единственная гарантия моего нахождения на свободе.

Липский прикрыл глаза:

– Михаил, ты обязан подстраховаться. Ты слишком доверяешь своей охране, среди твоих людей уже наверняка внедрены агенты ФСБ.

– Согласен. Доверять можно только равным, человек, работающий за деньги, открыт для того, чтобы его перекупили.

– Вам, Михаил Изидорович, лучше уехать за границу, – предложил Братин.

– Бесполезно. Меня выдадут, уже есть договоренность.

Семен Липский вращал в пальцах монетку:

– Тебя могут арестовать в любой момент и потребуют отдать документы. И тебе ничего не останется, как расстаться с ними.

Михаил Изидорович засмеялся.

– Страховка. Сегодня я уже могу сказать вам, где они находятся. Я переправил их за границу, и если со мной что-то случится...

– Не думаешь ли ты, что документы не отдадут властям, если уже существует договоренность выдать тебя самого.

– Они в швейцарском Берне, в депозитной ячейке банка. Отдадут их только в трех случаях. Первый – мне лично.

– А если с тобой что-нибудь случится? – осторожно поинтересовался Липский.

– Если я погибну, то документы будут немедленно опубликованы. Поэтому власть заинтересована, чтобы ни один волос не упал с моей головы. Если же меня посадят, документы сможет забрать кто-нибудь из вас двоих. Я написал доверенности. Вас найдут, не беспокойтесь, – предусмотрительно взбросил руку Хайновский. – Я знаю про каждого из вас достаточно, чтобы вы постарались распорядиться ими с умом – вытащить меня на свободу, иначе мне придется рассказать на следствии много интересного.

Кирилл Братин пожал плечами.

– За мной стоит государство, и мне опасаться нечего. Но я все же благодарен вам за доверие, – он бросил красноречивый взгляд на олигархов.

Хайновский улыбнулся:

– Мы с Семеном люди состоятельные. Для нас самая большая угроза – потерять доверие руководства страны. А это, к сожалению, сейчас и происходит.

– Что вы, – возмутился Братин, – временные трудности. Если бы вы не конфликтовали с администрацией, не пытались проводить свою собственную политику, то проблема отпала бы сама собой. Мы бы начали сотрудничество и закрыли вопрос прежде, чем он получил бы огласку.

– С этого дня, Кирилл Андреевич, можете считать себя свободным от прежних обязательств передо мной. Можете требовать любую разумную помощь. Я доверяю вашему чутью. И считаю, что, несмотря на короткий разговор, день вами потрачен не зря. Теперь можете немного отдохнуть. – Хайновский поднялся и протянул руку Братину.

Тому тоже пришлось встать в полный рост, мужчины обменялись рукопожатиями.

– Видите, – продолжил Хайновский, – теперь нет ни противников, ни врагов, мы все играем в одной команде. Всегда бы так, на благо России.

– Пригласи, Михаил Изидорович, кого-нибудь разлить спиртное по бокалам.

– Момент торжественный, – благостно улыбаясь, отозвался Хайновский, – я, как хозяин праздника, сделаю это сам.

Липский глянул на Братина:

– Вам раньше приходилось пить в такой компании? – обратился он к Кириллу Андреевичу.

– На службе я вообще не пью.

– Служба кончилась минуту тому назад. Теперь мы, можно сказать, партнеры.

Хайновский продемонстрировал этикетку дорогого французского коньяка. Понемногу плеснул его в широкие бокалы.

– Мне, если можно, водочки. В гастрономии я консервативен до крайности.

– Сейчас исправим.

Хайновский собственноручно на маленьком подносыке доставил бокалы к овальному столу. Клим Бондарев, наблюдавший за переговорами через вентиляционную трубу, отодвинулся к надстройке, теперь он уже не видел стола, а лишь слышал мелодичный звон стекла. Два бокала звучали в унисон, и лишь третий – на полтона ниже.

– Мы, русские, умеем договариваться, – вздохнул Братин, когда перевел дыхание после рюмки водки, – но почему-то только в минуты опасности. Спасибо за приглашение и оказанное мне доверие. Я пойду? – спросил он.

– Если вы уже познакомились с красивой женщиной, задерживать не стану, – улыбнулся Хайновский.

– Тут все женщины красивые, – заметил чиновник Совбеза.

– Вот и отдыхайте, понадобится отдельная каюта с кроватью, обратитесь к охране. Они предупреждены. Вы уже точно присмотрели себе спутницу или мне распорядиться?

– Не беспокойтесь, – Братин вышел из каюты.

– Он ведет себя нагло, – тихо проговорил Липский.

– Я бы на его месте вел себя точно так же, – отозвался Хайновский.

– Держи с ним дистанцию, – Липский отставил пустой бокал и закурил. Тонкая струйка дыма потянулась в открытую дверь.

– Если Братин тебе не нравится, я мог бы постараться его заменить, хотя не знаю, стоит ли. Мне нужен человек от власти, который знает, что документы могут оказаться в его руках.

– Не беспокойся, я и один справлюсь, не дай бог, конечно, чтобы мне пришлось забирать документы в Берне. Я надеюсь, что все обойдется.

Хайновский рассеянно повел взглядом по каюте, дым не спешил исчезать в решетке под потолком.

– Вентиляцию забыли включить.

Он не спеша поднялся и открыл щиток на белоснежной панели стены, щелкнул тумблером.

– Нет, вроде работает.

Он прислушался и наконец уловил мерное гудение вентилятора. Клим Бондарев уже вытащил зажигалку из вентиляционной трубы, опустил ее в карман и перебрался к краю навеса. Улучил момент, когда охранник отойдет, прыгнул в узкий проход возле надстройки.

Бондарев узнал не так уж много. Однако для первой попытки было неплохо. Выяснилось, что документы вывезены за границу – в Берн, Хайновский приберег их как последний аргумент в споре с властью.

– Вам повезло или нет? – спросила Лада, когда Бондарев встал возле нее.

– С вами – повезло, – улыбнулся мужчина.

Он сосредоточенно смотрел перед собой.

– Получили информацию для размышления?

– Кажется, да.

Клим Бондарев старался не терять из поля зрения Братина. Он почувствовал, что над чиновником из Совбеза сгущаются тучи и, возможно, его уберут с должности вскорости после того, как разберутся с Хайновским.

«Но что же в этих документах? – ответа пока нет. – Ни Липский, ни Братин пока тоже не знают, что в них содержится. Странные дела происходят».

Он заметил, что трое охранников Хайновского крутятся поблизости от Кирилла Андреевича.

- Вы все свои дела окончили, мистер Икс, – напомнила о своем существовании Лада.
- Я бы не прочь был еще немного потанцевать.

Женщина заметила перемену в настроении партнера. Он находился рядом, уделял ей внимание, но не забывал смотреть по сторонам.

- Вы скажите прямо, если я теперь вам мешаю, то навязываться не стану.

Тем временем охранник, дежуривший в коридоре, где располагались каюты, почувствовал себя всеми забытым. Наверху вовсю шло веселье, и если его коллеги могли себе позволить, прячась, покурить, то он был лишен даже такого ничтожного удовольствия. Коридор не палуба, дым быстро не выветрится. Стоять у самой лестницы и изредка ловить взглядом стройные женские ноги охраннику надоело.

Он зашел в каюту, глянул на пустую вазу с водой, сиротливо стоявшую на столике под иллюминатором, открыл дверцы шкафа: пусто. Нагнулся и заглянул под кровать, вытащил скомканный, брошенный впопыхах комбинезон и тихо выругался матом. Он, как мог, плотно скрутил его и быстро поднялся по крутой лестнице.

Лавируя между танцующими парами и просто прогуливающимися по палубе людьми, подобрался к начальнику охраны Николаю Порфирьеву.

– Николай, – зашептал он, – кто-то чужой попал на корабль. Я его за депутата принял, еще прикурить дал. Вот.

Порфирьев вертел в руках комбинезон.

- Пройдись, – сказал он, – и отыщи его во что бы то ни стало.

Клим, танцевавший в это время с Ладой, заметил, как охранник торопливо прошел от трапа к Порфирьеву. Комбинезон в руках охранника говорил о том, что его – Клим – вычислили.

- Прости, пойдем, – он, ничего не объясняя, потащил женщину за собой.
- Что-то случилось? – прошептала Лада.
- Я проехал свою остановку и должен сойти.

Не успела Лада опомниться, как Клим перемахнул через латунный поручень, присел на краю лотка для стока воды, подмигнул ей и, разжав пальцы, почти беззвучно исчез в воде. Еще пару секунд она видела Клим, плывущего к берегу, затем он исчез в темноте.

Лада не спеша достала длинную сигарету, прикурила и вернулась на носовую палубу. Охранник, особо не таясь, ходил между гостей, заглядывал в лица. Особенно тщательно приглядывался к тем, у кого на лацканах отливал эмалью депутатский значок.

Порфирьев нервно ходил вдоль поручня, что-то пытаясь объяснить Хайновскому.

- Я тебя прикончу, – тихо сказал олигарх, – если не найдешь этого мужика.

И тут он встретился взглядом с Ладой. Такой насмешливой Михаил Изидорович ее до сих пор не видел. Наконец охранник, потерянный и злой, приблизился к Порфирьеву.

- Николай, нигде его нет.
- Не мог же он раствориться, ты его хорошенько искал?
- Даже в машинном отделении побывал.
- Вот же черт, – выругался Хайновский, – парень, ты ничего не напутал?
- Может, и напутал, – проговорил охранник, – но комбинезон не я в каюту притащил.
- Разберемся, – махнул рукой Хайновский, – Порфирьев, доложишь.

Олигарх подошел к Ладе.

- Скучаешь?
- Если бы собиралась скучать, не пришла бы.
- Я видел тебя с кавалером.
- Мужчины всегда наобещают, наобещают, а потом ищи их. – Женщина вертела в руках окурки. – У тебя на корабле даже пепельниц для всех гостей не хватает.
- Теплоход еще не обжит, всего не предусмотритишь. По-моему, ты на меня обиделась.

– Все может быть. Ты совсем не обращал на меня сегодня внимания.
– Дела, Лада. Ты же знаешь, у меня множество проблем.
– Поэтому я и завела себе кавалера на один вечер.
– Он увидел меня и поспешил оставить тебя одну? – Хайновский заглянул женщине в глаза.
– Я не ревнивый, ты бы ему объяснила.
– Не будь дураком. Он один из твоих гостей.
– Ты мне покажешь его?
– Помучайся, пока сам не поймешь, – Лада засмеялась и, широко размахнувшись, зашвырнула бокал в воду.

В конце прохода появился Порфирьев и чуть заметно кивнул хозяину, у него был вид побитой собаки.

– Жди здесь и никуда не уходи, – бросил Хайновский Ладе.

– Ты говоришь так, будто я собралась с корабля вплавь.

Олигарх приблизился к начальнику охраны и вперил в него немигающий взгляд.

– Я проверил. Этого человека больше нет на корабле.

– Все гости на борту?

– В том-то и дело, что все до единого.

– Куда же он подевался?

Взгляды Хайновского и олигарха одновременно устремились к берегу.

– Если надо... – начал охранник.

Хайновский оборвал его:

– Поздно, он мог спрыгнуть значительно раньше, чем мы спохватились. Меня больше интересует, как он мог попасть на корабль.

Порфирьев недоуменно смотрел за борт, в воду, подсвеченную бенгальскими огнями.

– Я сам проверял всех у причала.

– Видеосъемка?

– Вы сами распорядились отключить камеры, – напомнил начальник охраны.

– Черт, – Хайновский метнулся к Ладе, схватил ее за плечи, – кто он, черт побери?

– Твой гость, – с надменной улыбкой ответила женщина, – пусть, мне больно.

Михаил Изидорович несколько секунд смотрел в глаза своей любовнице, он прочитал в них многое, но понял, что Лада сама не знает, кто был с ней на палубе.

– Хорошо, – мягко сказал он, разжимая пальцы, – я перед тобой виноват. Согласен. Но у меня тяжелые времена. Не все получается так, как я этого хочу. Если решила предать меня, то скажи сразу, открыто.

– Я не предаю тех, кто не предает меня, – Лада оперлась на перила и положила голову на руки.

– Он мой враг. Выводы делай сама.

Хайновский зло повернулся, но, задержавшись на секунду, коснулся плеча женщины.

– Не делай плохо ни мне, ни самой себе.

Так и не дождавшись ответа, он вернулся к гостям.

– Проблемы? – Семен Липский сидел в кресле у самого борта.

– Когда их у нас не было? – вздохнул Хайновский.

– Какие деньги, такие и проблемы, – улыбнулся Липский. – Да на тебе лица нет.

– Я понял, что остался совсем один, – неожиданно искренне произнес Михаил Изидорович.

– Брось. Так не бывает.

Хайновский прищурился, когда Братин в обнимку с молоденькой фотомodelью спулся по трапу к каютам.

– Ты не задумывался, когда было лучше: раньше или сейчас? – спросил Михаил Изидорович.

– Конечно, раньше. Молодость, ее за деньги не купишь.

– Вот и я думаю, что раньше мог изменить свою жизнь. Мог стать ученым, инженером, эмигрантом, подпольным коммерсантом. А теперь все для меня кончено. Олигарх – это диагноз неизлечимой болезни.

– У тебя есть вакцина от нее – документы.

Клим Бондарев выбрался на берег, лес вплотную подступал к реке. Огни теплохода еще виднелись вдалеке, музыка плыла над водой. Из кармана мокрого пиджака Клим достал завязанные в полиэтиленовый мешок спички и сигареты. Вскоре он уже сидел на лесной полянке у ярко пылающего костра. На воткнутых в землю палках сохла мокрая одежда. Подсыхали и положенные на бревно разобранный пистолет со странного вида мобильным телефоном.

«Берн, – подумал Клим Владимирович, – последний раз мне довелось в нем бывать перед самым распадом Союза. Скучный городок».

Глава 5

Подполковник ФСБ Прохоров сидел на удобном диване в гостиной. Он все время старался смотреть то на акулы челюсти, то на чучело метровой форели над камином, но его взгляд неизменно останавливался на перевернутой лицевой стороной к стене фотографии.

– Антон Павлович, фотография вам мешает сосредоточиться? – поинтересовался Клим Бондарев.

– Нет, что вы! – спохватился подполковник. – Я вас внимательно слушаю.

– Вы не забыли закон Ломоносова – Лавуазье, – Бондарев подвинул к подполковнику пепельницу. – Если мне не изменяет память, то Ломоносов сформулировал его так: если в одном месте чего-то убудет, то в другом непременно столько же и прибудет. Документы исчезли из России, а прибыли в бернский банк.

– И забрать их оттуда могут всего три человека, – продолжил Прохоров.

– Один, – поправил его Бондарев, – только один. Пока с Хайновским ничего не случилось, только он может их получить на руки.

Прохоров потер щеку и вновь посмотрел на перевернутую фотографию.

– Что ж, за информацию спасибо.

– Вы думаете о том, что документы нельзя украсть?

Подполковник чуть заметно улыбнулся.

– Ничего невозможного в этом мире не бывает. Но в данном случае никто не имеет права ошибиться. Попытка будет только одна. В Москве мы могли бы подкатить к банку пару автобусов автоматчиков в масках. Они бы за пять минут все здание под контроль взяли. Произвели бы выемку документов, забрали бы компьютеры, а потом в спокойной обстановке разобрались бы, что к чему. В Москве такую операцию можно провести хоть сегодня.

– Да уж, насмотрелся по телевизору.

– В Швейцарии такой номер не пройдет. Мы не знаем номер ячейки. Проникнуть в хранилище еще можно. Но времени вскрыть все ячейки у нас не останется.

Клим Бондарев спокойно выслушал подполковника, отпил глоток успевшего остыть кофе.

– Всегда должен быть способ получить желаемое. Насчет масок-шоу я с вами согласен.

– Само собой.

– Взломать компьютерную систему банка вы сможете?

– Это ничего не даст, – вздохнул Прохоров, – там не указывается, какая ячейка кому принадлежит.

Подполковник заметил озорной блеск в глазах Бондарева: проблема того увлекла.

– Я говорю о самом взломе, надо просто организовать хакерскую атаку.

– Что это даст? – поинтересовался Прохоров.

– Одна атака не даст ровным счетом ничего. Надо вдобавок симитировать попытку ограбления банка.

– Извините, но я не до конца понимаю...

Поднятой рукой Клим остановил подполковника.

– Ситуация выглядит примерно так – надо отыскать иголку в стогу сена?

– Примерно так. Только это очень-очень ценная иголка.

– И, к сожалению, для нас недостижимая. Для классической загадки должен существовать классический ответ, – произнес Клим Бондарев. – Когда случается пожар, человек сам хватается самое ценное в доме, чтобы спасти его от огня. Собирает его в сумку и выносит из дома.

Прохоров и теперь не до конца понял, что задумал Бондарев.

– Это слова.

– В начале, как вы знаете, было слово. Нужны три вещи: во-первых, пустить слух, что швейцарская прокуратура готова будет арестовать счета и вклады Хайновского в случае, если этого потребует российская сторона. Во-вторых...

– Мы не сумеем договориться об этом со швейцарской прокуратурой, – пожал плечами Прохоров.

– Я не сказал «договориться». Слух распустить можете и без них. Мало ли существует газет, созданных специально для сливания компромата и дезинформации. Ложь, повторенная в десяти независимых источниках, становится правдой. Второе – необходимо, чтобы хакеры совершили несанкционированный вход в компьютерную систему любого бернского банка, якобы с целью скачать оттуда всю информацию, но сделали это грязно, так, чтобы засветиться. Самое лучшее, если на месте поймут, что именно ФСБ пыталась это сделать.

– Это сложно, но вполне реально, – Прохоров кивнул.

– Никто не должен препятствовать Хайновскому выехать за границу.

– Это самое простое.

– И последнее, самое главное, – добавил Клим, – в Берне я должен оказаться в течение трех дней. Идеально, если у меня окажутся документы, подтверждающие, что я немец из Восточной Германии.

– А вы уверены, что справитесь одни?

– У вас есть другие предложения?

Прохорову ничего не оставалось, как согласиться.

До самой поздней ночи они еще уточняли детали, обговаривали подробности, но Бондарев ни словом не обмолвился о том, что в нарушение общепринятых норм конспирации в Берне он будет держаться вызывающе.

Обычно разведчики и агенты выглядят серо и неприметно. Чем больше они похожи на мелких клерков, невзрачных пенсионеров, тем лучше. Ведь человек, решившийся на не совсем законное дело, должен привлекать к себе как можно меньше внимания.

Бондарев же, понимая, что ему предстоит сделать почти невозможное, решил нарушить эти правила специально. Он знал: ему противостоят профессионалы в службе охраны олигарха, там служат почти такие же профессионалы, как он сам, знакомые с самыми тонкими нюансами ведения разведки. Значит, надо действовать по-другому – необходимо сломать стереотип, подойти с той стороны, с которой противник не ожидает твоего появления.

* * *

Приехав в Берн, Клим Бондарев лишь присматривался к ситуации вокруг. Поселился он в отеле, находившемся точно напротив дома, снятого тремя охранниками Хайновского. Наблюдал за ними. По поведению охраны всегда можно составить впечатление о проблемах босса. Возле банка он прошелся всего один раз. Выглядел Бондарев вполне респектабельно – костюм, плащ, в руках кожаная папка. На таких людей в спокойном швейцарском городе никто не обращает внимания.

Каждую утреннюю прогулку по городу Клим Владимирович начинал с чашки кофе в уличном кафе. Усаживался под зонтиком и раскрывал местную газету. Холодный утренний воздух внезапно пререзал далекий гул, он нарастал, усиливался. Встревоженные посетители старались делать вид, что это их совсем не беспокоит, но бросали на улицу любопытные взгляды. Из-за поворота с грохотом вылетели пять мощных мотоциклов. Они промчались по древней брусчатке из конца в конец улицы практически мгновенно, оставив после себя едкий запах сгоревшего бензина и брезгливые улыбки на лицах любителей позавтракать на воздухе.

– Снова появились, три дня их в городе не было, – произнес в пространство седой старик в добротном пальто.

– Не думал увидеть у вас байкеров. Все-таки здесь не Америка, – произнес на безукоризненном баварском диалекте Бондарев и улыбнулся.

Старик тронул чашку с кофе:

– Приезжие, сброд со всей Европы. Сегодня всего пятеро, а так их целая стая. Двадцать мотоциклов. Мы с женой ехали по шоссе, они нас окружили. Неприятные ощущения – небритые лица, девицы с ними почти голые. Жена боялась, что ограбят. Мы у полицейского остановились, а он сказал, что ничего сделать не может, правил они не нарушают, – старик покачал головой, – вот в такие времена и в такой стране приходится жить.

Бондареву хотелось спросить, в какое время и в какой стране хотелось бы очутиться старику, чтобы почувствовать себя спокойно. Может быть, в гитлеровской Германии, где байкеры не проехали бы по улицам и ста метров? Но он промолчал, расплатился за кофе и покинул столик. Поговорив с продавцами в двух магазинах на окраине города, Бондарев выяснил, где расположились байкеры. Уже неделю они торчали в Берне, разбив лагерь в заброшенной каменистой долине, неподалеку от шоссе в горах. Узнал он и место, куда те обычно наведывались по вечерам.

Байкеры – народ приметный. В России многие считают их чуть ли не отбросами общества, но в Европе каждый понимает, что человек за рулем мощного мотоцикла далеко не беден. Мало кто может себе позволить такую дорогую игрушку. Образ крутого парня, затянутого в кожу, пренебрегающего условностями, это способ выделиться, доказать, что тебе наплевать на деньги и всеобщие добродетели.

Уже на завтра мощный мотоцикл, купленный Бондаревым в соседней Австрии, мчался по шоссе, легко обходя легковые автомобили...

Клим не спеша ехал по одной из центральных улиц Берна. Рокот двигателя его мощного мотоцикла, работающего в четверть силы, заставлял мирных и спокойных прохожих вздрагивать, напоминая им о том, что даже в тихой Швейцарии еще не перевелись люди, предпочитающие мирному сидению за офисными столами кочевой образ жизни.

Он миновал то самое кафе, где по утрам пил кофе, и никто из его посетителей не признал в байкере респектабельного мужчину, любителя почитать за столиком местные газеты. Старые умения не забываются, и хоть Клим уже больше пяти лет не сидел за рулем мотоцикла, управлялся с ним так, словно половину жизни провел в седле.

Полицейский на выезде из города неодобрительно посмотрел на Бондарева и его машину, но западный блюститель порядка – не русский милиционер, умеющий, если захочет, придраться и к телеграфному столбу. Нет нарушения – не будет и останавливать.

Мотоцикл легко проходил один поворот горной дороги за другим. Пейзажи открывались головокружительные. За очередной скалой показалась небольшая заправка, домик хозяина и придорожное кафе. Без особых эффектов Бондарев подкатил к навесу и поставил мотоцикл на подножку. Толкнул дверь кафе, звякнул колокольчик. Свет в зале не горел, в полумраке виднелись с десяток старых деревянных столиков и бильярдный стол, поблескивали на полке разноцветные шары. За стойкой, как и следовало ожидать, никого не оказалось. Клим ударил ладонью по латунному звоночку. Вскоре колыхнулись бамбуковые занавески и появился хозяин заправки, он тер покрасневшие от сна глаза тыльной стороной ладони.

– Обычно посетители появляются позже, – пробормотал он, – поэтому, если желаете горячие блюда, вам придется подождать.

Клим Бондарев неторопливо осмотрелся.

– А я и не спешу. – После чего сделал заказ.

Хозяин с интересом рассматривал незнакомого ему байкера.

– Вы с ними? – спросил он.

– С кем?

– С парнями Курта.

– Первый раз слышу о таком, – Бондарев тяжело поднялся и пересел за столик поближе к бильярду.

Хозяин глянул на часы, что-то прикинул в уме.

– Если вам не трудно, пересядьте за любой другой стол, – предложил он.

– Трудно, – прищурившись ответил Бондарев.

– Вы не с Куртом, а это его любимый столик.

Клим приподнял подставку для салфеток, глянул на ее дно.

– Тут нигде не написано, что за столом позволено сидеть только Курту, – ухмыльнувшись, проговорил он.

– Мое дело – предупредить, – хозяин недовольно тер губы, – но Курт человек вспыльчивый, ему может не понравиться, что вы заняли его место.

– Я тоже не слишком добродушный, – напомнил Бондарев.

– Обычно они приезжают в семь, у вас осталось полчаса.

Бондарев не ответил, он сосредоточенно отрезал от огромного, на полтарелки, куска мяса маленькие кусочки и отправлял их в рот. Как и обещал хозяин, в семь часов на шоссе послышался рев моторов. За цветастыми занавесками кафе замелькали тени. Гул стоял такой, что можно было бы кричать и никто бы не услышал крика. Один за другим смолкли мотоциклы. Дверь в кафе резко отворилась. Грузный мужчина за тридцать с обветренным загорелым лицом сделал пару шагов и остановился у бильярдного стола. Следом за ним вошли другие байкеры, среди которых затесались три девушки.

Курт с четверть минуты рассматривал невозмутимо жующего Бондарева. Компания, затаив дыхание, ожидала продолжения. Наконец Клим поднял голову и глянул в глаза вожаку залетных байкеров, чуть заметно кивнул.

– Ты ему говорил, что это место занято? – не оборачиваясь к хозяину, поинтересовался Курт.

– Говорил, но... – хозяин заведения умолк, потому что Курт взбросил руку.

– Какой клуб? – Курт обошел Бондарева и глянул ему на спину.

На кожаной жилетке желтела надпись: «Железные волки. Берлин».

– Не знаю такого... – отчетливо произнес Курт, – ты что, глухой?

Не дожидаясь ответа, Курт звучно ударил в собственную ладонь кулаком над самым ухом Бондарева, тот даже не пошевелился. Компания байкеров недовольно загудела.

– Он тебя вдобавок не видит, Курт, – сказала худющая девчонка, с ног до груди затянутая в черную кожу, изукрашенную блестящими заклепками.

Внешняя агрессивность главаря байкеров была показной, Бондарев понял, что за угрюмым лицом прячется вполне вменяемый и веселый мужик, а «наезд» – это ритуал.

– Освободи стол! – рявкнул Курт и попытался ударом ноги выбить из-под Бондарева стул.

Попытка удалась, но не потому, что Клим не был готов к ней. Стул с грохотом отлетел к бильярду. Мебель в кафе стояла надежная, даже ни один стык не треснул. Бондарев успел вскочить и поддел ногу Курта, когда она шла вверх. Грузный предводитель байкеров с размаху упал на пол спиной. Клим преспокойно отошел к бильярду, взял со стойки кий и обвел компанию взглядом. Курт хватанул воздух ртом и поднялся на ноги. Его авторитет пошатнулся в глазах приятелей. Никто не рисковал первым подойти к незнакомцу, вооруженному кием. Все прекрасно знали, что в ручки для тяжести залит свинец.

– Можешь садиться, – предложил Бондарев, – не знал, что это так для тебя важно.

– Я... – Курт приближался, нервно сжимая кулаки, остановился в двух шагах от Клим, тот смотрел на него спокойно.

– Теперь ты знаешь такой клуб? – приветливо усмехнулся Бондарев, отложил кий на стол и протянул руку.

Курт недоверчиво косился на предложенную ладонь, пожать ее сейчас – означало примириться с поражением.

– Померяемся силой на руках, – предложил Бондарев, – это лучше, чем крушить кости. – Он поставил локоть на стол и пошевелил пальцами.

Курт обернулся, никто из байкеров не был против предложенной затеи, но его сдерживал страх вновь оказаться побежденным.

– Ну же, – поторопил Бондарев.

Цепкая потная ладонь Курта коснулась пальцев Клим. Худосочная девица тут же присела на корточки, проследить, чтобы ничей локоть не отрывался от стола.

– Начали! – выкрикнула она неожиданно приятным грудным голосом.

Лицо Курта налилось кровью, он давил изо всей силы, жилы на лбу вспухли. Бондарев ощутил, как дрожит рука противника.

«Раз дрожит, значит, он на пределе. Но и я выкладываюсь».

Мужчины смотрели друг другу в глаза. Рука Бондарева качнулась, но он тут же сумел восстановить равновесие. Курт оскалил зубы.

– Сейчас ты сдашься.

– Посмотрим.

Девица от любопытства даже высунула кончик острого языка и водила им по зубам. Остальные байкеры уже стояли полукругом, ожидая результата схватки. Курт чувствовал, что продержится еще совсем немного, почувствовал слабость противника и Бондарев. Он подмигнул девушке.

– Мы не договорились, за что боремся, – сказал он на коротком выдохе и вновь набрал воздух.

– Того, кто победит, я поцелую, – сказала девушка.

– Идет, – отозвался Клим, и рука Курта качнулась.

– Не выйдет у тебя, – здоровяк чуть отодвинул ногу, чтобы лучше упереться.

Курт щелкнул пальцами свободной руки, ему тут же вложили в ладонь открытую банку пива, он глотнул и тут же попытался завалить руку Бондарева. Клим чувствовал, что уже способен победить, один рывок – и ладонь Курта оказалась бы прижатой к столу. Но это не входило в планы Бондарева, он тянул до последнего. Девушка посматривала на незнакомца с восхищением и страхом одновременно, до этого ей не приходилось встречать мужчину сильнее Курта. Наконец до нее дошло, что схватка не может закончиться только потому, что так хочет Бондарев. В ее глазах зажглись озорные огоньки, она поднялась, потерлась бедром о Клим, обняла его за шею и потянулась губами к его губам. Когда они соприкоснулись, рука Бондарева упала на стол под натиском Курта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.